

фантастическая
история

Павел Дмитриев
Квадратное
время

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Квадратное время

Павел Дмитриев

Квадратное время

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Дмитриев П. В.

Квадратное время / П. В. Дмитриев — «АЛЬФА-КНИГА»,
2018 — (Квадратное время)

Обычный студент, наш современник, в 1926 году. На его пути будет все: тяжелейшие испытания, схватки и погони, встречи с великими людьми, любовь и деньги. Он побывает в Ленинграде, в Хельсинки, в Берлине, в Мюнхене, в Стамбуле, в Одессе и, конечно, в Москве. Он сумеет изменить историю России и мира. И сделает это с предельной, по-настоящему исторической достоверностью.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Дмитриев П. В., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	32
Глава 4	36
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52
Комментарии	

Павел Дмитриев

Квадратное время

*– Пройдите по этому коридору, – сказал чиновник бесцветным голосом. – Розги – направо, ботинок – налево. Следующий...
Братья Стругацкие. Трудно быть богом*

Глава 1

Комфортный старт

Одесса, апрель 1930 года (3 месяца до рождения нового мира)

Если кто-нибудь попросит меня назвать главный символ интербеллума^[1], то я без колебаний отвечу: «Это вокзал!» В нем начинается и заканчивается любое, даже самое короткое путешествие.

За два прошлых года я успел исколесить всю Европу, но оказалось, что завершить мою миссию возможно только в СССР.

Поэтому – снова перрон, снова быют в уши заполошные крики продавцов всякой снеди и разноголосые переливчатые локомотивные гудки. Зычно клацают буфера, упруго подрагивает под ногами асфальт. Отличие от Франкфурта или Стамбула по большому счету ровно одно: вместо веселого и бессмысленного Малека Вебера из репродуктора доносится немилосердно шипящая, однако вполне узнаваемая мелодия «Я милого узнаю по походке», с первых звуков которой невольно вспоминается надрывно рвущий гармонь Гарик Сукачев.

Впереди носильщик – здоровенный детина в нелепой форменной фуражке и сером засаленном фартуке поверх старой солдатской шинели. Не просто так – он тащит за спиной на подставке-сиделке наш багаж.

Странный атавизм: везде в Европе для этого используют специальные, похожие на двухколесную тачку тележки, однако «жемчужину у моря» научно-технический прогресс упорно обходит стороной. Хотя, возможно, просто нет надобности – не часто у советских пассажиров встречаются пудовые сундуки или необъятные кучи коробок-картонок.

Даже наши далеко не самые огромные в мире чемоданы явно смущают окружающих новизной и мягким блеском импортной кожи. Что отнюдь не мелочь, а реальный символ статуса, который легко удерживает на расстоянии докучливых газетчиков, лоточников Главдормбуфета¹, кроме того, заставляет мелкотравчатых служителей железнодорожных законов брать под козырек вместо очередной проверки документов.

И последнее, но не менее важное: чемоданы как магниты притягивают взгляды хорошеньких девушек! Последнее скорее обидно, чем приятно. Надеюсь, местным барышням и без багажа есть на что посмотреть: мой рост под метр девяносто; не страшные – как я в глубине души надеюсь – черты лица. А если не нравится лицо – пусть оценят темно-серый, в крупную синюю клетку костюм, к которому прилагается белоснежная рубашка с закругленными

¹ См. Глоссарий в конце текста.

по последнему слову моды уголками воротника. В остальных деталях одежды тоже порядок: небрежно повязанный галстук, весь в черно-золотых узорах, да новенькие броги, чуть поскрипывающие при каждом шаге. Как вишенка на торте – абсолютно бессмысленная, но от этого не менее обязательная кепка.

Дорого, броско, но ведь не станешь же каждому встречному-поперечному объяснять, что чуть более года назад я и сам таскал мешки в порту – как обычный грузчик. А все внешние признаки моего достатка и успеха – лишь антураж авантюрного спектакля, который пытается разыграть на просторах молодой Советской республики Яков, мой старший аж тридцатилетний партнер и идейный вдохновитель. Заодно – тщеславный наглец в своей нелегкой «работе» и кичливый фронт. Даже сейчас вместо добротной, но вполне тривиальной классики к серым бриджам он натянул вызывающие гольфы до колена в мелкий черно-белый ромбик, массивные черно-белые же штиблеты, а пиджаку предпочел шерстяной джемпер, разумеется, одной расцветки с гольфами. Хорошо хоть кепка обычная, серая, иначе впору выходить не на перрон одесского вокзала, а прямоиком на арену цирка, клоуном.

Понять Якова несложно – вся его жизнь, в сущности, затянувшаяся театральная премьера. Более того, за несколько месяцев совместного путешествия я успел оценить и отчасти полюбить милую привычку моего спутника жить каждый день как последний, чего бы это ни стоило. Поэтому ничуть не расстроился, когда для покупки билетов в родном городе он обратился в отдельное окно кассы, приметное кроме скромной таблички «Управление спальных вагонов прямого сообщения» совершенно невероятным для данного места и времени отсутствием очереди.

Приятная и безукоризненно вежливая девушка небрежно глянула на наши справки-разрешения с места работы и, почеркав неразборчивые цифры на бумажках под копирку химическим карандашом, выдала ярко-красные типографские квитанции-плацкарты^[2]. На каждой красовалась изрядно подзабытая мной аббревиатура наркомата путей сообщения с пиратским гербом – переkreшенным с якорем абордажным топором. Калькуляция стоимости служила основанием для взыскания целых сорока трех рублей – за мягкость, место и белье.

Оплатой этой суммы дело не ограничилось. Уже в обычной кассе Яков, ткнув пальцем в плакатик «По плацкарте НКПС билеты приобретаются вне очереди», уверенно оттер от окошка всех желающих и взял два билета в «мягкий», по восемьдесят четыре рубля за каждый. По здешним меркам – двухмесячный средний заработок рабочего – безумные деньги за чуть более чем двухдневный вояж до Москвы.

И вот теперь, уже на перроне, результат стараний по повышению комфорта воплотился во вполне материальный объект. Последним в составе – и, соответственно, первым со стороны вокзала – нас ждал более чем примечательный вагон. Не знакомый мне по вояжу из Берлина в Ленинград первоклассный синий, не желтый второго класса и, конечно, не обычный зеленый, как здесь принято говорить – «жесткий». Его обшитый дорогим деревом корпус светился благородной фактурой^[3] как будто сам по себе. Потемневший от времени, местами облупившийся лак ни капли не мешал, наоборот, он придавал вагону сходство с океанской яхтой, получившей свое и от седых пенных гребней штормов, и от обжигающего солнца тропических штилей. Начищенные бронзовые поручни и оконные наугольники еще более усиливали впечатление: в подобранном сочетании они как-то по-особому блестели на солнце.

«Так вот ты какой, международный спальный!» – ударила короткой искрой догадка.

Перед глазами встала бесконечно далекая, но все еще памятная спокойным уютом комната в Хельсинки, неяркая лампа под зеленым абажуром, и под ней – перечерканный тут и там карандашом томик «Трех столиц» Василия Шульгина, в котором, собственно, я впервые наткнулся на воспоминания о подобном слипингкаре^[4].

Как давно и как недавно это было!

Но предаваться воспоминаниям некогда. Пожилой усатый мужчина в новехоньком синем френче встречал нас у распахнутых дверей вагона. Приколота к груди золотая номерная бляха «проводник-истопник» и роскошная черная фуражка с синим кантом придавали ему вид настоящего командира. Однако рассмотрев красные плацкарты в наших руках, кондуктор незамедлительно переломился в пояснице. Начищенная до блеска пиратская эмблема ярко сверкнула под лучами клонящегося на закат солнца.

– Сделайте-с одолжение, господа-с, проследуйте в шестое купе, рассаживайтесь со всяческим удобством-с...

Роскошь внутреннего убранства сразила меня наповал. Стены коридора радовали уставший от буржуазного рационализма взгляд панелями благородного красного дерева и вставками из тисненого плюша. Окна прятались под собранными в затейливые рюши порттьерами, настоящими, совсем как в приличном доме или дорогом отеле. Тусклой бронзой светилась массивная инкрустация молочных плафонов. Ручки дверей удивляли банковской точностью и надежностью. Туфли тонули в начавшей облезать, но все еще очень годной ковровой дорожке.

Как будто вернулись довоенные имперские времена: за окнами счастливый четырнадцатый, а не суетливая, пошлая – да еще поиздержавшаяся до последнего предела – весна тридцатого года.

– Куда класть прикажете? – Носильщик за спиной бухнул сапогами, разом стирая наваждение.

– Тебе лучше знать, братец, – со смешком выдал указания Яков, уступая место в узком проходе. – Да смотри поаккуратнее там! Кожу не поцарапай!

– Наверняка ведь вагон в Германии делали? – не смог я удержать давно вертящийся на языке вопрос. – Ей-ей, не под силу царской промышленности такие чудеса сотворить, да еще в количествах, чтоб до сих пор хватало в Одессу гонять!

Вместо ответа Яков указал рукой на закрепленную над дверями табличку – «Верхне-Волжский завод, городъ Тверь. 1904 годъ. Купе № 6».

Между тем носильщик закончил упикивание наших чемоданов и узлов, получил долгожданную полтину серебром и вместе с густым ароматом дегтя утопал к выходу.

Можно осмотреться...

Прямо напротив, на уровне глаз, вдоль стены вагона раскинулась верхняя полка – мягкий матрас в массивной деревянной раме. Сразу под ним – широченное, аж трехрамное окно. Справа – диван с прихотливо изогнутыми ореховыми подлокотниками и высокой «тронной» спинкой. Очень удобно, ничто не мешает плюхнуться с размаху на мягкие пружины поближе к столику.

Но откуда вторая полка в двухместном купе?!

Резко перевожу взгляд: дивана напротив нет и в помине, вместо него всего лишь широкое кресло, а у входа перегородка выступает внутрь купе, и – черт возьми! – там еще одна дверь, мимо которой я умудрился впопыхах проскочить.

Неужели...

Точно, уборная! Хотя нет, только раковина умывальника, да вдобавок – судя по виднеющейся в глубине второй двери – одна на пару купе.

Все равно здорово!

Я с удовольствием повернул массивные бронзовые краны, сполоснул руки под струей воды, вытер висящим на вешалке полотенцем.

А жизнь-то налаживается!

Слабо шевельнулся червячок сомнения: не перебарщивает ли Яков? Могут ли будущие студенты, которыми мы выступаем согласно легенде, путешествовать с таким немислимым комфортом?

А почему нет?

Формально НЭП не свернут, богатство, частная торговля и производство все еще как бы разрешены. Пусть советский золотой червонец в мире с тысяча девятьсот двадцать седьмого года идет по цене макулатуры^[5]. Пусть налоги проклятым эксплуататорам вкручены выше небес. Пусть оптовые и товарные биржи закрыты, коммерческий кредит запрещен. Все равно граждане республики не успели отвыкнуть от многовековой привычки к открытому богатству. Так что кроме солидных, отягощенных животами и портфелями совбуров^[6] к нашему вагону живо тянутся купцы-кооператоры, они же – жулики-коммерсанты. На первый взгляд – неприимимые классовые враги, однако при них подозрительно одинаковые барышни, вполне сносно одетые даже по меркам старушки-Европы.

Никому на окраине триэсэрии нет дела до великовозрастных отпрысков недобитых нэпачей. Вернее сказать, не умеющих видеть дальше своего носа идиотов, по капризу стукачей и недоработке чекистов сохранивших на черный день в достатке «червяков», «сеятелей» и «никлашек», но при этом мечтающих отправить своих сыновей, любимых племянников или младших братиков «в люди» по высшему разряду. Вместо того чтобы вывести их тропами приднестровских контрабандистов подальше от социалистического рая. Пока не поздно.

Прав мой куда более опытный спутник, когда говорит: «И ладно, пускай все вокруг запомнят разодетых гуляк, пуще того, в деталях рассмотрят ботинки и чемоданы – для Москвы у нас есть другие вещи. Много хуже, если кому-то достанет мозгов обратить внимание на лица!»

С последним трудно не согласиться по очевидной причине. Внутренних «пачпортов» в Советской республике нет вообще – абсолютно и совершенно. Не успели их ввести большевики. Так что в качестве уникального удостоверения личности обычно выступают кучка мятых бумажек с мало читаемыми оттисками печатей да протертая на сгибах простыня свидетельства о рождении, начинающаяся с незатейливой фразы типа «По указу Его Императорского Величества Одесская духовная консисторія свидетельствует...». Сложно сказать, сохранились ли соответствующие записи в огне Гражданской войны и сколько месяцев – или лет! – может занимать их реальная проверка.

Следствие бардака – неограниченный простор для использования чужой личины, а то и кустарной подчистки-подделки. Уровень детского сада для Якова, коренного одессита и редкого прохиндея, успевшего поучаствовать в фабрикации подложных документов для откоса от армии еще подростком в далеком пятнадцатом году. За актуальные в данный момент бумаги он отдал хорошим людям жалкий пяток червонцев. Хотя надо отметить, настолько дешево идут только контрики, попы, торгаши и прочие интеллигенты – свидетельство о рождении с правильным рабоче-крестьянским происхождением обойдется чуть не в десять раз дороже. Спрос заметно превышает предложение. Но нам наплевать, реально поступать в университет мы не собираемся, зато налицо значительная экономия. Вдобавок по дороге деньги можно тратить, не отходя от образа.

С другой стороны – шиковать без меры в республике Советов все же опасно, поэтому Яков подстраховался трудовыми победами. У нас в полном порядке книжечки «трудовых списков» с перечнем вполне пролетарских должностей.

Моя, на всякий случай, близка к реальной специальности: электрик-настройщик волочинного цеха одесского государственного жестяно-баночного завода, некогда носившего имя «Братья Авич и Израильсон», ныне же – «имени М. И. Калинина». Фамилия советского вождя, верно от особого уважения, вписана клерком в бумагу большими печатными буквами.

На самый крайний случай у Якова в запасе имеется совершенно убойный документ: комсомольский билет. На картонном чуде природы с портретом Ленина на обложке – вполне надежном и действующем – нет не только фотографии владельца, но и печати. Воистину,

страна непуганых идиотов. Заверить столь важную бумагу способна простая подпись безвестного секретаря губкома!

Вдали прозвучала резкая трель свистка кондуктора, за ней – сочный, на три тона ниже гудок паровоза, звонкая волна перестука буферов обозначила старт состава...

Первый час, как принято, прошел за взятой в дорогу снедью. Воспетая в романах и стихах жареная курица прекрасно сочеталась по дизайну с толстодонными, снабженными царским гербом и аббревиатурой МПС подстаканниками. Вкус же традиционного железнодорожного чая явно недотягивал до заданного антуражем уровня. Или, что куда более вероятно, нам с Яковом так казалось после турецкого изобилия.

Скоро живописная разруха окраин Одессы осталась позади, потянулись бесконечные, подернутые свежей зеленью поля, небольшие деревеньки, кривые заборы и прочие невнятные сараи. Однообразное скольжение пейзажей навевало скуку – паровоз тащил состав неспешно, километров тридцать – сорок в час, но как-то удивительно ровно, не разгоняясь и не притормаживая.

Под тихий, чуть слышный перестук колес Яков расстелил постель и прилег подремать.

Я попытался последовать его примеру, но, увы, безуспешно. Снова, наверное в тысячный раз, вспомнилась история, благодаря которой меня и занесло на эти без малейшего преувеличения смертельные галеры.

Глава 2

Встречают по одежке

*Ленинград, декабрь 2014/1926 – январь 1928 года
(43 месяца до рождения нового мира)*

Произошел перевернувший мою жизнь случай весьма далеко от Одессы и СССР. А именно: в длинные рождественские каникулы две тысячи четырнадцатого года я – Алексей Коршунов, студент четвертого курса электротехнического факультета УрФУ, здоров, не женат, без вредных привычек и прочая, прочая, – решил приобщиться к великой русской культуре, в смысле – посетить исторические достопримечательности Петербурга. А заодно принять участие в парочке Ingress-ивентов^[7], попутно встретиться в реале со старыми друзьями по игре.

Перелет Кольцово – Пулково прошел без задержек и оставил достаточно сил.

Поэтому после заселения в отель, чтобы не скучать, я отправился на улицу – хакнуть десяток-другой Ingress-порталов в центре Северной столицы.

Со стороны, должно быть, забавное зрелище: здоровенный парень с рюкзачком за спиной идет, уставившись в «лопату» LG G3, по тротуарам, переходам и площадям вне потока и ритма праздничной толпы, сообразуясь только с собственными целями. Иногда суетливо мечется туда-сюда – в попытках «дотянуться» до неудачно расположенного узла или ключа на виртуальной, но при этом привязанной к реальным GPS-координатам карте. Или же, наоборот, замирает в одной точке на несколько минут, быстро манипулируя пальцами по экрану. Последнее означает попадание на «свой» портал, который можно усилить, зарядить или «залинковать» с соседними, или же на слабый «чужой» – его желательно разгромить и, разумеется, немедленно перекрасить в «свой» цвет.

Короткими перебежками, от портала к portalу, я мотался до позднего вечера – заветный Level 13 маячил совсем близко. Наконец остался лишь один хак уника – последнего из двух тысяч, нужных до золотой медальки. Причем далеко идти не надо – вот он, почти передо мной, осталось зацепить хитро расположенный синий разлапистый «костер» на виртуальной карте, для чего сдвинуться метров на десять внутрь квартала в реальном пространстве. Да вот беда – прохода во двор нет, не иначе кто-то из местных жильцов постарался устроить закрытую локацию.

Однако сдаваться рано. Я толкнул попавшуюся рядом дверь парадного. Удача – кодовый замок есть, но не заперт.

Аккуратно прошел мимо лестницы на другую сторону дома, в закуток перед дверями черного хода...

Есть контакт!

Палец опустился на активизировавшуюся кнопку, экран залила долгожданная заставка-поздравление. В этот же момент появилось какое-то странное чувство, как будто я разделился на уйму копий самого себя, буквально в одном и том же месте нас стало как минимум сотня, а может – и тысяча. Полностью постичь всю глубину процесса я не сумел и, судя по всему, вырубился на несколько мгновений. Упасть, впрочем, не успел.

Потряхивая головой от удивления – никогда ранее нервы не пытались сыграть подобную мерзкую шутку, – поплелся обратно, попутно оценивая количество плюшек, свалившихся на меня с новым уровнем. Неудачно – окно интерфейса подернулось рябью помех в стиле старого телевизора, показывая тем самым потерю сигнала спутниковой навигации.

– Странно, но не удивительно, – пробормотал я вслух. – Тут стены по метру, не иначе.

Увы, на улице ситуация не выправилась. Хуже того, я обнаружил, что отсутствует не только навигация – связи не оказалось вообще. Перезагрузка мобилы не помогла, как и замена батарейки с передергиванием сим-карты.

– Сломался, собака, – зло выругался я в пространство.

Ни карты, чтобы добраться до гостиницы, ни «Юбера» для вызова такси... Другим и тем не позвонить...

Я обвел взглядом улицу и...

И чуть не сел в сугроб!

Что за фигня!!! Что происходит?!

Где тут скрытая камера?!

Кто выключил уличное освещение?

Зачем навалили на тротуар свежие сугробы?

Почему нет машин? Совсем, ни одной!

Спросить бы у кого-нибудь... Так и прохожих негусто. Только парочка крайне подозрительных оборванцев на противоположном тротуаре. Пусть они в полтора раза мельче меня – конфликт со шпаной выйдет себе дороже. Тут не думать надо, а поскорее убираться поближе к сияющим огнями рекламы проспектам.

Сунув многострадальный смартфон в карман, я быстрым и уверенным шагом направился в сторону гипотетического центра.

Интуиция не обманула: отмахав несколько кварталов, я очутился в заметно более оживленном месте.

По густо заваленным конским навозом улицам то и дело проезжали повозки на конной тяге и автомобили антикварного вида. Пешеходов стало побольше, да только что у них спрашивать?

Для сна или галлюцинации слишком достоверно. Съемочный павильон настолько большим быть не может. Остается принять за основную гипотезу немыслимое: вокруг меня либо – прошлое, либо – иной мир.

К моей удаче, на углу примостилась явно неуместная в век сотовой связи труба газетной тумбы. На главной, самой удобной для чтения позиции – как можно ожидать другого?! – «Правда» от двадцать пятого декабря тысяча девятьсот двадцать шестого года.

Под колеблющимся зеленоватым светом уличных фонарей я разглядел на первой странице заголовок: «Реакционные законопроекты английского правительства», над ним – убогую карикатуру, на которой несколько гипертрофированных буржуев протягивали непонятную бумагу с печатями истощенному мужчине, наверное рабочему.

– Хорошо хоть не к мамонтам! – констатировал я, с трудом сдерживая дрожь. – И не в зиму сорок первого!

Толком не поймешь: морозно тут на самом деле – да так, что не помогает благоразумно поддетый перед прогулкой фирменный комплект термобелья, – или до позвоночника добрались холодные щупальца ужаса?

В полной прострации я добрался до того самого дома, что сыграл роль машины времени, где узнал точный адрес: проспект Маклина, двадцать. Пропахал путь от парадного до черного хода раз сто пятьдесят, включая и выключая Ingress во всех возможных и невозможных местах и комбинациях.

Ни малейшего успеха...

Признать перенос сознания и тела в прошлое процессом необратимым и анизотропным?

Нет, нет и еще раз нет!

Не зря же в тот злосчастный момент я чувствовал, что разделяюсь на множество копий.

Можно ли подыскать объяснение получше?

Да легко!

Пакет данных – только он может пронизать темпоральный континуум. И напротив: сама идея передачи материального объекта в параллельное измерение или время противоречит здравому смыслу.

– Значит, не перенос, а копирование, – пробормотал я, стараясь звуками собственного голоса разогнать страх. – Что это мне дает?

Не так уж и мало – главное, нет никакого смысла уничтожать оригинал!

Наоборот, есть вероятность, что Алексеев Коршуновых во Вселенной стало не двое, а несколько десятков, сотен или тысяч. То есть в далеком будущем мой двойник сидит в теплом и уютном ресторанчике, хвастается перед новыми-старыми друзьями очередным уровнем игры да медальками виртуальных достижений.

И если мне хоть чуть-чуть дорог мой разум – следует думать только так, и никак иначе. Потому что под таким углом зрения ситуация выглядит очень даже симпатично...

Оставшийся в две тысячи четырнадцатом году оригинал – или дубль, разницы нет! – потянет на себе весь ворох обязательств перед родителями и родственниками. На радость матери исполнит роль в размноже... продолжении рода. Окончит институт и поступит в аспирантуру. На зависть друзьям семьи станет крупным ученым, то есть оправдает надежды отца. И лет эдак через сто, окруженный многочисленными внуками и правнуками, почует в бозе под плач молодой жены и молчаливое раскаяние любовниц.

Но мне-то повезло куда больше!

Настоящее, взрослое, авантюрное приключение!

Возможность своими руками создать новый мир. Перекроить историю, разогнуть перегибы, победить в войне чужой кровью на малой территории, изобрести интернет, транзистор и нарезной батон^[8], короче говоря, получить за бесценные знания будущего почет, уважение и награды. Не жалкие виртуальные иконки Ingress типа «контролировал портал 150 дней», а реальные правительственные медали и ордена!

А риск?

Да только жизнь!

Поднимаясь по ступеням подъезда наверх, к теплу, я тихо напевал: «Призрачно все в этом мире бушующем...»

Первоначально я надеялся провести ночь на лестничной площадке последнего этажа, но, добравшись до нее, нашел вариант получше. Замок на чердак выглядел серьезно, массивно, но... На проверку оказался фейком, то есть легко открылся с помощью одного из моих домашних ключей.

Присмотрев в неверном свете экрана более-менее чистый уголок, я без сил повалился туда и, рассудив, что утро вечера мудренее, забылся беспокойным сном. Благо теплые штаны и пуховик с капюшоном позволяли не бояться холода и сквозняков.

Пробуждение не принесло приятных открытий.

Сверху, через ни разу не мытое стекло слухового окна проглядывало серое низкое небо.

Снизу... «Чистый уголок» на деле оказался покрыт шлаком вперемешку с голубиным пометом, который придал моему зимнему костюму – темно-зеленому с черными вставками – соответствующий бомжеватый вид и аромат.

Экстренно справив – да простят меня жильцы! – малую нужду, я поднялся по короткой лесенке к окошечку и, растворив раму, высунулся наружу.

Зачерпнул свежего снега – зверски хотелось пить, да и умыться явно не мешало.

Огляделся вокруг: улиц не видно – только крыши, лениво дымящие трубы вдалеке, по линии горизонта, синие или зеленые купола церквей...

Тихо, спокойно, но... Как-то совсем неправильно.

Понимание упало в сознание, как в эпицентр взрыва атомной бомбы: ни одной спутниковой тарелки!

Начисто отсутствует вездесущее провайдерское оптоволокно, вдобавок не видно ничего похожего на телевизионные антенны.

Испуг? Ужас? Паника?

Да ничего подобного!

Все мои рефлексии остались во вчера. Сегодня мозг работал четко и ясно, как в азарте RPG-квеста. Выпал рерол, прошла смена локации... Сколько раз такое случалось в играх?

Надо просто принять как данность: я не заблудился в ленфильмовских декорациях, не заболел историческим лунатизмом, наконец, не пал жертвой тяжелой химии. Просто провалился в тысяча девятьсот двадцать шестой год.

Чудо Создателя, происки инопланетян, слепое Провидение или природный феномен – разницы для меня нет.

Попал в инстанс – не рефлексируй! Бей мобов, ищи нычки!

Вопрос один: как проще и быстрее «повысить левел»?

Самый очевидный путь – выдать себя за хроноаборигена с амнезией. Обзавестись минимальным сетом документов, заработать на телепорт за границу. Открыть в Штатах свое дело, заработать на изобретениях из будущего миллиард баксов. А как иссякнет резерв послезнания – уехать кататься на волнах прибоя в Гаити или Таити с шикарными девушками...

Вполне реальный план, вот только... Мелковат! Иметь уникальный шанс сделать СССР величайшей державой планеты, но бездарно спустить его на такую ничтожную глупость, как девки и деньги?

Ну уж нет!!!

Правильный путь прокачки чара идет по другой ветке. Необходимо прямо тут, в Петербурге, устроиться на хорошую работу и семимильными шагами двигать вперед науку и технику к заветным орденам и вящей славе Советского Союза. Ведь это вполне реально, но...

Есть нюансы.

Смогу ли я сойти за своего?

Сколько надо будет убить сил на поиски точки приложения знаний будущего века и завоевание авторитета?

Да у меня одно лишь обустройство быта сожрет чертову уйму времени!

Вот сразу бы, как пишут в некоторых книгах, добраться до ответственных руководителей высокого ранга, лучше всего – товарища Сталина. Почему нет? Убедить его в реальности переноса не так и сложно – у меня есть документы, деньги и, главное, смартфон. Железобетонные доказательства, их примет любой разумный человек, а значит, великий вождь непременно поверит в правдивость моих рассказов.

Дело за малым – за личной встречей, по возможности без свидетелей. Не самая простая задача...

Сдаться местному ФСБ? Или как их называют правильно, НКВД?^[9]

Страшно – уж очень противоречивая у них репутация сложилась в двадцать первом веке. Уверен, в органах идиотов не держат, разберутся рано или поздно, вот только...

По спине пробежал неприятный холодок.

Мой главный и неопровержимый аргумент – только смартфон, а он штука хрупкая, требует нежного обращения. А ну как до него дотянутся мозолистые пролетарские руки? С отверткой номер четыре, к примеру?

Свидетельством моего происхождения из будущего мобилка быть не перестанет в любом виде, вот только жалко будет кучи скачанных в нее учебников, книг, фотографий и фильмов. Для победы СССР в мировой гонке они куда полезнее моей дырявой памяти!

Что же до первоначальных доказательств...

Тут с лихвой хватит паспорта, прав и бумажных купюр! Их, по крайней мере, сломать невозможно. А чудесный электронный кладезь информации на время спрятать от греха подальше.

Сказано – сделано!

Включив режим фонарика на телефоне, я полез в дальний угол, присматривать место для тайника. Разгреб мусор в подходящем месте и... И убедился, что подобная идея уже приходила кому-то в голову.

Под тонким слоем шлака обнаружился шикарный деревянный ящик, в котором лежала целая гора остроносых патронов, собранных для удобства подсчета и переноски жестяными скобками по пять штук^[10], а под ними...

Я запустил руки внутрь и вытащил прекрасно сохранившуюся «мосинку». Встал, приложился, подцепил из специально вырезанного в деревянной ложе паза^[11] массивный шарик рукоятки затвора, провернул, дослал, вернул обратно.

Неплохое место!

Винтовка, верно, пролежала тут с Гражданской, но совсем не заржавела. Значит, и с моей электроникой за неделю, максимум две, ничего не случится.

Я полюбовался на гаснущий экран смартфона, вытащил батарею и засунул все вместе в полиэтиленовый пакет с надписью «Finland», рядом с коробкой подарочного варианта этой самой водки. Чутко помедлив, присовокупил запасные аккумуляторы, наушники и походный, приспособленный ко всему на свете зарядник. Пристроил рядом с оружием, закрыл крышку и забросал обратно, как было.

Между тем стоило поторопиться. День явно двигался к полудню, зверски хотелось есть, а программа предстояла немалая: добраться до ленинградского обкома и как-то привлечь внимание одного из ответственных товарищей. В идеале, конечно, самого Кирова – вроде как его еще не убили. Но на крайний случай сойдет и какой-нибудь помощник-секретарь, тем более что в лицо я гарантированно одного от другого не отличу...

План, без сомнений, был хорош. Да только отсутствие зеркала и суровая реальность эпохи опрокинули мои расчеты еще до того, как я успел добраться до Невского, где, по моим соображениям, должны находиться правительственные здания.

Первой ошибкой стало любопытство. Очень уж хотелось своими глазами посмотреть, какова она – жизнь в прошлом. Влиться в непривычный на вид, но, как и в будущем, вечно куда-то спешащий поток людей мне удалось без труда.

Двигаясь в сторону центра, я украдкой разглядывал прохожих, заодно – останавливался перед витринами, а то и вообще заходил в магазины.

Это в двадцать первом веке тяжело разобрать, кто идет рядом с тобой: охранник из торгового центра, менеджер средней руки или скромный коммерсант-миллионер. Дешевая китайская одежда уравнила всех, отличить настоящий «Hugo Boss» от поддельного лично я не в состоянии даже на ощупь. Зато тут, в разгар НЭПа, поговорка «встречают по одежке» более чем в тему. Особенности профессии и уровень дохода прекрасно заметны с десятка шагов. Так что уже спустя час я вполне уверенно разобрался в основных типажах, благо хоть какие-то знания истории школа, университет и телевизор сумели вбить в мою голову. Однако вовремя осознать глубину отличий собственного внешнего вида от привычных хроноаборигенам образов я не успел. И это стало второй ошибкой.

На выходе из заваленной бараклом антикварной лавки меня ждал представитель власти. По крайней мере, на его странной полукепке-полупилотке с красным верхом, черным козырьком и оторочкой из серого барашка красовалась кокарда с серпом и молотом, а длинную темную шинель перетягивали кожаные ремни портупеи. Не иначе продавцу – еврею средних лет – показался подозрительным мой интерес к напольным английским часам семнадцатого века,

и он умудрился кого-то из помощников послать за милицией. Сам же добрый десяток минут вешал мне на уши лапшу о том, как с подельниками вытаскивал данный предмет декора из дворца великих князей, попутно отстреливаясь направо и налево от конкурентов-мародеров.

– Милиция Ленинграда, – представился служитель закона. – Предъявите документы!

Повеяло чем-то знакомым и безопасным. Возможно, именно поэтому я допустил третий, финальный промах, кардинально поменявший не только мои планы, но и, вероятно, всю историю данного мира. Вместо того чтобы с наглой мордой и раскатистой американской «р» заявить что-то академическое вроде «What can I do for you, sir?»², я тупо, как школьник, проблеял:

– Вот... Дома их оставил!

– Работаете?

– Еще нет...

– Учитесь? – Тон милиционера изрядно похолодел.

– Учусь, на электрика, – как можно беспечнее постарался ответить я. – В универе.

– В каком именно, позвольте узнать?

До меня наконец дошло, что единственный разумный выход – бежать. Что, собственно, я и сделал, мгновенно сорвавшись с места со всей силой молодых мышц, прекрасно натренированных в двадцать первом веке бегом и лыжами...

² «Что я могу сделать для вас, сэр?» (англ.)

Преодолев в десяток прыжков чуть не полквартала, уже начал надеяться на успех, когда какой-то балбес в военной шинели бросился буквально мне под ноги.

Подняться уже не дали, а сильный удар по затылку вообще отбросил в короткое беспамятство.

Отлежаться, впрочем, не вышло. Меня живо оторвали пинками от истоптанного в грязь снега, сунули сразу с двух сторон в ребра револьверы. На сей раз до меня добрались не вежливые служители закона, а какие-то полукриминальные испытанные типы в пальто да помятых суконных кепках. Всего и отличий, что один – рябой, без переднего зуба, а второй – в очках с монументальной роговой оправой.

По телу зашарили чужие руки.

– Милиция! – неуверенно вскрикнул я.

Все лучше, чем бандиты.

– Извозчик! – вторил рябой куда-то в сторону. И, повернувшись, выдохнул мне прямо в лицо запах соленой рыбы неизвестной, но мерзкой породы. – Заткнись, гражданин!

– Червей-то у него нема, – остановил его напарник. – Пехом допрет, Шпалерка^[12] недалеко.

– Ловко чекисты сработали. Раз – и срезали на бегу! – мелькнули обрывки разговора от проходящей рядом кучки молодежи, не иначе студентов-сверстников.

– Может, поперву в комиссариат? – попробовал возразить рябой, смачно сплевывая мне под ноги.

– Ты на шмутки позыркай! – осадил очкастый интеллигент, очевидно главный в команде. – Явная же контра, нешто мы будем два раза ноги обивать, чай, обувь не казенная!

Рябой отошел на шаг, окинул меня задумчивым взглядом и немедленно согласился:

– По-любому – шпиен! Или контра недобитая! – Еще раз пребольно ткнул стволом мне в живот. – А ну, сунь руки в карманы, сволота! И двигай вперед помалу!

Ничего не оставалось, как выполнить команду.

И тут обнаружилось страшное: паспорт и деньги бесследно исчезли!

Идиот!

Какое затмение на меня нашло, почему не подумал, не переложил их во внутренний карман куртки? Кому и что тут доказывать без этих бумажек?!

От неожиданности я споткнулся и полетел опять на мостовую как есть, с руками в карманах...

Пришел в себя я в каком-то мрачном помещении, за тяжелым, грязным столом, на который из рюкзака уже вывалили все мои скромные пожитки. По голове прямо за шиворот стекла ледяная вода.

С трудом удалось сфокусировать взгляд на сидящем напротив меня человеке: фуражка почти как у полицейских две тысячи четырнадцатого года, только сильно поменьше, поаккуратнее да цвет верха темнее и синее. Более ничего похожего: куртку-рубашку болотного армейского цвета, погон нет, вместо них красные засаленные петлицы, из которых торчат треугольные глазки малиновой эмали... Знать бы еще, что они означают...

– Оклемался, свинота? – Из-за спины с закопченной до черноты металлической кружкой^[13] в руках выдвинулся похожий на прежнего товарищ, только на фуражке по-идиотски поменяны цвета, то есть верх темно-красный^[14], как сигнал светофора в ночи. Начальник, наверное, – лет на двадцать старше да на один треугольник больше. Он приказал: – А ну, живо рассказывай, бегунок, как до веселой жизни докатился?

– Что именно?! – просипел я, осторожно поднимая руки к голове.

– Надо тебе его байки слушать, – неожиданно поднял голову от писанины тот, что напротив. – Фамилию говори, – обратился он ко мне. – Сколько лет, где живешь и место работы.

– Алексей Коршунов, двадцать три года, студент-электрик, – бодро начал я и почти сразу осекся.

Что говорить? Правду? Надеяться, что дежурные «обезьянника» – а куда я еще мог попасть? – вызовут сразу большого начальника? Да скорее за мной инопланетяне прилетят!

Поэтому я скривился, как будто от неожиданного приступа боли, обхватил голову руками и выдал со стоном:

– Не помню! Не помню больше ничего! Вот только...

– Ладно! – невероятно спокойно и равнодушно принял мою амнезию товарищ, который, черкнув несколько строк на мерзкой, землистого цвета бумаге, толкнул мне заполненный лист. – Подмахни!

Вчитываться не стал – поставил закорючку. Все равно после удара соображаю через раз на третий.

– Особый ярус, в топорики! – вынес решение «писатель», откидываясь на спинку стула.

– Подымайся, загребай манатки, – скомандовал тот, что постарше. – В семьдесят седьмом тебе самое место!

Повели куда-то тихими длинными коридорами, удивительно чистыми, да еще почти сплошь застеленными половиками. Вверх, вниз, решетка, часовой, двери, вправо, переход, решетка, влево – не иначе как строители взяли у правительства подряд на развитие географического кретинизма в среде задержанных.

Наконец передо мною открылась перспектива очень длинного многоярусного зала, такого высокого, что его потолок терялся в сумраке. По правой стороне шли окна с затемненными стеклами, по левой тянулся бесконечный ряд окованных железом дверей – картина с незначительными вариациями повторялась на каждом из пяти этажей, которые, в свою очередь, соединялись узкими железными лестницами-галереями.

– Получай свеженького! – бойко выкрикнул мой провожатый.

Где-то сверху застучали каблуки, и скоро маленький, болезненно тощий конвоир в туго стянутой ремнем серой солдатской шинели повел меня на третий ярус – как оказалось, на очередной, куда более серьезный обыск.

По крайней мере, на этот раз меня заставили раздеться догола, облапали в разных неприятных местах, долго исследовали подкладку и швы на основательно изгвазданной голубиным пометом одежде, удивлялись крою, фактуре ткани, подошвам ботинок Gastein, а особенно – обычным носкам. Не поленились вытащить из них и попробовать на зуб резиновую жилку. Только много позже я понял, что подобная конструкция если и известна, то лишь богатым буржуям^[15], простые же люди используют специальные носочные зажимы-подтяжки либо носят высокие, стягивающиеся под коленом гольфы.

Напрасно я опасался футурошока надзирателей при виде застежек-молний^[16] – они были прекрасно знакомы с данным изобретением. Хотя это не помешало им вертеть рюкзачок из стороны в сторону совсем по-детски, как новую игрушку.

Я страшно боялся, что отберут все, вплоть до стоптанных кроссовок, «отельного» спортивного костюма и грязных боксеров, однако необычный, явно заграничный гардероб озадачил, а возможно, напугал местную тюремную службу. Так что они довольствовались «подарком» в виде початой пачки одноразовых бритвенных станков да тюбиком крема для бритья.

Спустя десяток минут дверь камеры – массивная, как у сейфа, – почти бесшумно захлопнулась за моей спиной. Немедленно раздался тяжелый, ахающий стук защелки, а сразу за ним – с хрустом два раза провернулся ключ.

«Как-то слишком выходит солидно для КПЗ...» – подумал я, без сил падая на привинченную к стене железную раму с переплетенными железными же нитями-пружинами.

В моем персональном застенке было мокро, темно и адски скучно.

Четыре шага туда, четыре обратно, асфальтовый пол, забранное решеткой тусклое окно у потолка, под ним крохотный рукомойник очень странного устройства: для того чтобы из крана потекла вода, надо левой рукой все время нажимать на длинный деревянный рычаг. В углу чудо цивилизации – чугунный унитаз не иначе как царских времен. Ни прогулок, ни газет, ничего, даже морды надзирателя не удалось рассмотреть.

Единственная забава – стирать тряпкой струйки воды со стен и лужицы с пола да читать нацарапанные на стенах не особенно утешительные надписи типа «Кто может, сообщите на Ивановскую улицу, 24, что доктор Алтуров расстрелян». Встречались и варианты посложнее, например, в красном углу химическим карандашом наивная и явно неумелая рука тщательно прорисовала образ-икону, а также оставила каллиграфическую – насколько это реально в данных обстоятельствах – надпись, что «Раба Божья Екатерина думает о своих деточках, которые молятся за маму святому Угоднику Божьему. Январь 1925 года».

Кроме этого, интересны разве что календари на стенах, во множестве расчерченные предшественниками. Самый длинный тянется на одиннадцать месяцев, примерно треть сделана чем-то острым, затем идет простой, уже стершийся графит и чуть позже – химический каран-

даш. Самый короткий – всего двадцать дней. Поперек последних не закрытых клеток мало обнадеживающая приписка: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь»^[17].

Паек не скуден, но растолстеть сложно. Около семи часов утра в окошечко двери просовывают небрежно отпластанный от чего-то очень большого кусок темного хлеба грамм на четыреста, по качеству отдаленно похожий на «Фитнес» из будущего. В полдень полагается небольшая мисочка разваренной в отвратительную массу каши, обычно ячменной, но иногда выдают пшенку или даже гречу. На ужин тарелка жидкого, как вода, и гадкого до несъедобности типа супа с волокнами капусты и опять каша.

Хорошо хоть зимняя одежда из синтетики влагу практически не набирает и греет неплохо.

В этой малости странные порядки содержать арестантов в чем и с чем пришел сыграли мне на руку. А еще на пользу пошла самая обычная лень, из-за которой я не стал подниматься в номер отеля в две тысячи четырнадцатом году, чтобы выложить немногочисленные «гостиничные» шмотки перед прогулкой-игрой, а лишь зачекинился и забрал ключи от номера.

Самое удивительное и приятное: сохранились лекарства и презервативы – расстроенные моим непонятным шмотьем вертухаи просто не заметили их в скрытом кармашке. Собственно говоря, я про таблетки и сам забыл, чуть не год назад мать собрала скромный комплект «от всего», когда меня понесло на пару недель попугать рыбок в Красном море. После чего он так и болтался в рюкзачке, благополучно перенесся кроме Египта и несколько поездок в Москву, и бесчисленное количество студенческих пьянок по турбазам.

Все остальное можно смело записывать по статье «Проблемы».

Особенно доставало отсутствие часов и тишина. Даже не так, а исключительно с заглавной буквы: Тишина! Не каждый день можно было расслышать лязг ключей, еще реже – дикий, быстро заглушаемый крик, и только один раз я явственно разобрал содержание:

– Товарищи, братцы, на убой ведут.

Вот и догадывайся: матерого, измазанного кровью с ног до головы бандита тащат, ни в чем особо не повинного студента вроде меня пришибить хотят или просто на психику давят, волю к сопротивлению подрывают.

И без того в голове не укладывается, как так можно – выдернуть человека натурально с улицы и держать в одиночке день за днем?

Что тут вообще происходит, черт возьми?

От дурости типа голодовки или разбивания головы об стены спасла болезнь. Без малого на две недели я свалился с чем-то похожим на тяжелейший грипп, переходящий в хронический кашель, если не сказать хуже. Если бы не принятая против осложнений таблетка антибиотика, оказавшаяся поразительно эффективной, наверное, так бы и сдох, «не приходя в сознание».

А там настоящее избавление пришло: на допрос повели...

Все те же лестницы, переходы, решетки, тяжелые двери. У одной из них, на вид вполне обычной, конвойный остановился.

– Обождите. – Он постучал в дверь и почти сразу, не дожидаясь ответа, втолкнул меня в кабинет.

Даже смешно – точно такая же камера-одиночка с раковиной и стульчаком, только освещена поярче да вместо койки стоит пара столов и три стула. Думал, хоть портрет Дзержинского на стене будет, но, похоже, тут обходятся без лишней атрибутики.

«Главный сюрприз» сидел за столом.

Мне и в голову не могло прийти, что следователем окажется молодая женщина. Причем не мощная тетка, «истинная большевичка», в перетянутой ремнями строгой кожанке и с маузером в руках, а совсем наоборот, маленькая, худая шатенка лет тридцати. В меру симпатичная, с резкими чертами лица и тонкими губами без всякого следа помады.

Перед ней на столе – кроме телефона и бумаг – начатая пачка папирос «Пушка», чуть поодаль – стакан чая с одиноким ломтиком лимона да тарелка с парой пирожных.

Спокойно, по-домашнему, прямо как будто заявление пришел писать в деканат. Разумеется, если не обращать внимания на стены да лампу, направленную в лицо по всем канонам жанра.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала следователь задушевым голосом, на ее лице явственно проступили симпатия и участие. Пододвинула ближе ко мне пачку. – Курите, не стесняйтесь. Нам с вами надо много о чем поговорить.

Не дожидаясь моего ответа, она вытянула папиросу себе, ловко смяла гильзу и жадно прикурила, вежливо выдохнув дым в сторону.

– Спасибо, не курю, – привычно отказался я, устраиваясь поудобнее.

– Какой интересный молодой человек, даже табаком не балуется, – чуть кривовато улыбнулась следователь.

– Спортom пришлось много заниматься, – пустил я в ход стандартное оправдание.

– Похож, похож. – Следователь одобрительно покивала. – По облику – настоящий скаут!^[18]

«Ну наконец-то!» – возликовал я. Вполне по-человечески все в прошлом, не зря ругали Солженицына и иже с ним за очернение истории. А что до камеры – так работы много у ЧК, вот и не быстро дошла очередь. Сама же сидит в таком же каменном мешке безо всякой роскоши, работает на износ, бледная вся, можно сказать, света белого не видит...

Да быть того не может, чтобы я не уговорил такую милую, уставшую женщину поверить мне хотя бы на несколько часиков, пока специалисты не вытащат из тайника сотовый телефон. Надо только начать поаккуратнее... Если бы не заросшее щетиной лицо!

Я малость замешкался, от оупения в одиночке никак не мог решить, рубануть сплеча «родился в тысяча девятьсот девяносто первом году, последнем, когда существовал СССР» или зайти издадека, с моего провала в прошлое, игры Ingress, учебы и жизни в Екатеринбурге.

Между тем женщина участливо задала следующий вопрос:

– И зачем это вы связались с шайкой мерзких фашистов?

– Фашисты? Уже тут?! Кха-ха-ха! – зашелся я в приступе то ли хохота, то ли кашля. – Да что вы вообще о фашистах знать можете! Ведь пока гад Шикльгрубер пейзажики малюет где-то под мостом в Берлине!^[19] Короче говоря... – Тут до меня дошло, что сказано несколько больше, чем следовало. – Не знаю никаких фашистов и знать не хочу. Я обычный студент, просто не повезло...

– Та-а-ак-с! – резко оборвала меня следователь. – Вот счас-то все сходится!

Всего пара мгновений, и как подменили человека!

Теперь в ее глазах плескалось лишь торжество и злоба. Резко раздавив папиросу о край стола, она резким щелчком отбросила оуок прямо на пол. Наклонившись ближе ко мне, выплюнула в лицо слова, брызгая слюной:

– Так вот, гражданин Обухов Алексей Анатольевич, тысяча девятьсот третьего года рождения, стало быть, студент, из потомственных дворян! Хватит заливать. Нам все решительно очевидно. Единственно верная для вас линия поведения – чистосердечно покаяться перед советской властью! И вот что... – В тоне женщины опять проступили нотки усталой нежности. – Мы не ставим к стенке врагов даже гораздо более матерых, чем вы. Вот... – Она сделала широкий жест по направлению к окну. – Там работают люди, многие из них были приговорены к высшей мере, но они честным трудом очищают себя от прежних преступлений перед советской властью. Помните, наша задача не карать, а ставить на правильный путь!

– Не знаю никакого Обухова... – вскочил я.

– Сидеть! – Меня буквально подкосил резкий крик, а еще пуще – многообещающий лязг двери за спиной.

– Ну мы вас заставим признаться. – Следователь опять перешла на доверительный тон, совсем как плохой актер в постановке провинциального театра. – Только себе же дороже делаете. Запомните, гражданин Обухов, искреннее раскаяние поможет вам искупить вину.

«И увеличит срок...» – мрачно закончил я про себя ее речь фразой из какого-то фильма.

Я явственно представил, как идиоты в кожанках находят тайник, забыв на радостях смешные инструкции следователя, вытаскивают из ящика в первую очередь привычное и понятное – винтовку с патронами, с хохотом передают друг другу бутылку шпионской белофинской водки, в то время как не замеченный в потемках смартфон хрустит под их каблуками, а микросхемы смешиваются с грязью и шлаком.

Уж не знаю, по какой статье нынче идет борьба против социализма с оружием в руках, но на пулю в мой затылок этого расклада хватит с гарантией.

Тут я в полной мере осознал, какая это непозволительная роскошь – спокойно подумать о тщете всего сущего: вопросы полетели в лицо, как стежки швейной машинки на китайской фабрике.

– Кто вас подначил к идеологии «Черных волков»? Когда? Место вашего проживания? Адреса?! Явки?! Кто был на скаутинге в Казани? Через кого вы получали агитационную литературу? С кем из членов ВКП(б) вы хорошо знакомы и где они работают? Адрес и номер дома, где вы встречались с Борисом Зеленовым?^[20] Связи с куратором из Берлина, господином Свежевским?^[21] В каких учреждениях белых правительств служили? Должности, звания? Кто такой Шикльгрубер и какие картины он рисует? Как относитесь к советской власти? Как это понимать: никак?!

Мелькали абсолютно дикие вопросы из анкеты, термины типа «совет начальников отрядов», «съезд объединенных патрульных» и «совет инструкторов». Перечислялись фамилии якобы моих знакомых и друзей. Приводились слова уже арестованных скаутов^[22], которые обвиняли меня в какой-то дикой чепухе, направленной на свержение социалистического строя.

Черт возьми!

Да что я в принципе могу ответить, если впервые в жизни слышу про скаутов в СССР? Для меня это не более чем природно-ориентированные детки в забавных панамх защитного цвета из американских фильмов! Подростки, которые, в сущности, ничуть не опаснее ежей!

Поневоле пришлось симулировать потерю памяти. Помогло мало...

Еще бы, после моего идиотского пассажа о берлинском художнике угрозы перемежались уговорами, их сменял шантаж, за которым следовала смешная попытка подкупа папироской и уже более серьезная – шикарным обедом для растущего организма: «Прямо тут, сию минуту распоряджусь!»

Часа через три женщина выдохлась окончательно. Мило пощебетав по телефону с неизвестным мужчиной, вероятно мужем, на тему «Как я устала от проклятой работы, просто кошмар, но, мой милый, все равно тебя люблю, только сегодня обязательно купи хлеба к ужину», она не прощаясь вышла.

За меня принялся ее сменщик, неторопливый долговязый прибалт.

Грешным делом, я подумал о классике: «Будут бить, возможно, ногами». Заранее прикидывал, как сохранить почки и зубы. Последнее почему-то волновало сильнее, ведь импланты тут ставить не умеют.

Но вместо мер физического воздействия следователь начал методично и многозначительно перечислять мне собранные за десять лет советской власти преступления скаутов. Говорил медленно и подробно, заглядывая в какие-то листы, исписанные разными почерками, видимо – доносы или показания разных лиц. Тон у него был такой, как будто он меня хотел сразить каждым из этих фактов. Лишь изредка просил дать оценку услышанному, искренне обижался и удивлялся моим ответам не впопад.

До сих пор интересно: какой реакции он ожидал от меня на документально заверенный свидетелями факт передачи аж целых восьмисот восьмидесяти пяти долларов на нужды коммуны в Салтыковке через сына литовского посла в Москве Георгия Балтрушайтиса? Ну кроме идиотского смеха, разумеется?

Наконец, уже когда за окном стемнело, меня оставили в покое. Прощальное напутствие прибалта, впрочем, не порадовало:

– Помните, гражданин Обухов, мы не будем торопиться, спешить нам некуда. Меньше шести месяцев дознание не идет, так что на год вы здесь прописаны. Советую вам хорошенько подумать, все обмозговать и чистосердечно раскаяться. Теперешнее ваше поведение к хорошему не приведет.

Лучше бы одолжил почитать научно-популярную книжку про скаутов!

Вернувшись в камеру, на адреналине расчертил кусок стены под свой собственный календарь. Сразу с запасом на двенадцать месяцев вперед. А потом...

Завод кончился, и я упал на койку, с головой под одеяло, самым что ни на есть пошлым образом плача от обиды и бессилия. Очевидно, что, пока меня считают каким-то Обуховым из дворян, не поверят ни единому слову, что бы я ни говорил. Спрячь я мобилку куда-нибудь в иное место – добросердечное признание выглядело бы более-менее уместно. Но дурость, по которой я умудрился засунуть смартфон рядом с винтовкой, подняла ставку до поистине смертельной – платить столь много я пока не готов.

Долго предаваться самобичеванию мне не дали. Дверь лязгнула: в камеру вбежали два надзирателя и стали стаскивать одеяло.

Чего они хотели – я не понял^[23], но пришлось собрать в кулак все силы для спокойного ответа:

– Мне мешает свет!

– Не положено!

Ушли, хотя волчок поскрипывал всю ночь.

На следующую ночь – или скорее очень раннее утро – вызвали «с вещами».

Предположив, что расстреливать меня вроде как рано, да и не за что, обрадовался. Думал – попугали, попробовали взять «на слабо», но без доказательств решили снять с казенных харчей. Даже невольно заулыбался, когда вели мимо ярко освещенного буфета, за столиками которого, несмотря на ночь, обжирались несколько следователей – нарядных подтянутых мужчин и женщин в полувоенной форме. Сытых и довольных своим превосходством.

Однако реальность оказалась куда прозаичнее. Как видно полностью установив мою личность и степень прегрешений, администрация решила освободить ценную «семьдесят седьмую» под кого-то более важного. Мою же никчемную скаутскую тушку перебросили в общую камеру.

В отличие от глухой одиночки тут выходящая в коридор стена имела широкие, забранные прутьями решетки окна, такой же была и дверь. Ни дать ни взять зоопарк.

Едва переступив низкий металлический порог, я невольно замер. Радость – наконец-то хоть людей увижу! – сменилась ожиданием страшной и, как я помнил по книжкам, неизбежной прописки.

Тем более удивили первые тихие слова:

– Пожалуйста, раздевайтесь, товарищ. – Мне навстречу в одном белье поднялся с лавки мужчина лет пятидесяти. В тусклом, только нарождающемся свете зари, проникавшем из двух окон на противоположной стене, на его голове неестественно блестела лысина. – Вы недавно с воли? Хотя пустой вопрос, и так ведь видно. Я камерный староста, Фохт Георгий Карлович^[24],

если вам угодно. Тут уже девятый месяц, веду бухгалтерию, коли так можно сказать, почти как до ареста, в Древлестре.

Не успел я толком удивиться, как он вытащил откуда-то из-за спины растрепанную тетрадь и, быстро вписав в нее мою фамилию, имя и отчество, проставил номер.

– Будете семьдесят девятым^[25], – сказал он и добавил, видя мою нерешительность: – Да вы не тушуйтесь, тут же «библиотечная»^[26] камера! Ничего не своруют, боже вас упаси, даже шутить про это не надо! Вон посмотрите... – Он показал рукой куда-то вглубь. – У нас свой академик-библиотекарь есть, Дмитрий Иванович^[27], я вас позже представлю – конечно, если желаете. А пока пойдемте, постараюсь пристроить вас на место, только, ради бога, идите тихо и не наступите ни на кого – люди же спят.

Постепенно разглядел камеру – большую комнату площадью квадратов в семьдесят. Потолок сводчатый, поддерживаемый посередине двумя тонкими металлическими столбами, серый, так что глазу не за что зацепиться. Зато пол устроен куда интереснее, вернее, до него еще надо было добраться. На высоте сантиметров сорока вся камера была покрыта настилом, на котором в определенном порядке лежали спящие: у боковых стен – в два ряда, головами к стенам, ногами внутрь камеры, посередине – головами к центру. Между каждыми двумя рядами оставалось по узкому проходу. В тех местах, где спали люди большого роста, зазора не было.

Несколько человек приподнялись и с любопытством рассматривали меня.

– В этом проходе, налево, под щитами, третье место свободно. Ложитесь, – прервал мои мысли Фохт. – Не будут пускать – пожалуйста, настаивайте, место там есть.

– Как под щитами? – в панике переспросил я.

– Ну да, на полу, – совершенно спокойно подтвердил бывший бухгалтер. – Да вы не удивляйтесь, все новички так начинают. Месяца через два, если не переведут куда-нибудь, переберетесь на верхний ярус.

Только тут до меня дошло, что под сплошной людской массой на настиле есть второй, не менее плотный слой людей.

Делать нечего, аккуратно протиснулся между обращенными друг к другу ногами двумя рядами и нагнулся к полу в указанном месте. Желание лезть в кучу спящих, ползком под доски, в вонючую темноту, резко пропало. Тем более за окнами постепенно светало, и я решил вернуться и докемарить на свободном пятачке у двери.

– Что же вы, товарищ? – опять приподнялся староста. – Не положено так, охрана ругаться будет.

– Не хочу беспокоить спящих, – попробовал оправдаться я.

– Так бы и сказали, что страшно с непривычки, – хмыкнул мой первый камерный гид. – Приспособитесь, хотя... – Он задумчиво поскреб пальцами лысину. – Одежка у вас, товарищ, справная, организм молодой. Есть местечко получше, но рядом с уборной, так что там открыто окно все время, неприятно пахнет и холодно. Зато не так тесно, пойдемте!

Мы протиснулись вперед до самой стены. И действительно, в углу располагались две койки, занятые спящими, между ними просвет сантиметров в тридцать. На полу – вообще никого.

– Берите тюфяк и ложитесь здесь. – Староста с трудом подавил зевок. – Хорошее место, не кривитесь, еще благодарить будете.

И ушел досыпать.

С трудом и отвращением я пропихнул соломенный матрас и занял свое новое место жительства. От унитаза, к которому стояла вечная очередь, по полу тянулся густой и отвратительный запах. Каждые несколько минут шумел слив воды.

Меня вновь охватило чувство унижительной безнадежности. На прежнем месте можно с ума сойти от одиночества, и тут не лучше, никуда не деться от людей, ползучей липкой вони, грязи и...

Черт возьми! Да тут все в клопах!

Только чудом, а скорее благодаря пройденной школе одиночки я сдержался от крика.

Заснуть все же не смог.

Уже примерно через час в камере стало проявляться какое-то шевеление. Некоторые осторожно поднимались и приближались к умывальнику, становясь в очередь.

– Подъем! Подъем! – донеслось из коридора.

Поднялся и староста.

– Товарищи, пожалуйте, поднимайтесь, закуривайте! – теперь уже громко предложил он.

Все зашумело и зашевелилось: слышались разговоры, смех, легкая перебранка. Мало мне было миазмов туалета – теперь по воздуху поплыли сизые клубы удушливого махорочного дыма. Верхние щиты снимались, их вместе с тюфяками быстро и ловко вытаскивали куда-то в коридор, за решетку. Из-под них поднимались спящие на полу. В один момент в камере образовалась такая непроходимая толкучка, что непонятно было, как все эти люди умещались здесь ночью. Шутка ли, более чем по одному заключенному на квадратный метр!

– Проще сдохнуть! – Я не удержался от громкого стога.

– Привыкнешь. Все привыкают, – равнодушно отозвался кто-то из сокамерников. – Такая уж скотина – человек.

Эти слова оказались правдой.

Первое время я сходил с ума от грязи и тесноты, которая не давала ни есть, ни спать и вообще не оставляла мне ни минуты покоя. К концу дня чувствовал себя смертельно усталым, разбитым и мечтал о той минуте, когда наконец все утихнет и можно будет отключиться от реальности в коротком забытии. А ночью, не имея возможности заснуть от духоты, вони, шума уборной, храпа, стонов и сонных криков соседей, с тоской ждал утра, когда уже можно будет подняться.

Но уже через неделю, к собственному немалому удивлению, я вполне освоился с совершенно невероятными в сравнении с прежними временами условиями.

Тяжелее всего оказалось привыкнуть к вездесущим вшам и клопам. Хорошо хоть им почему-то не слишком нравилась моя полная синтетики одежда. Тем не менее пришлось в полной мере освоить искусство выворачивания белья – так тут называли смену лицевой и изнаночной стороны трусов по мере появления гнид в складках, с последующим тщательным вылавливанием и раздавливанием между ногтей паразитов, перебегающих поближе к теплоте тела.

Спустя месяц я научился находить некоторые плюсы в ситуации.

Во-первых, сумел сильно поднять свой авторитет благодаря предложению псевдоэлектронной очереди в туалет^[28]. Вместо того чтобы каждый день выстраиваться в колонну по одному перед унитазом, на стену пристроили самодельную досточку с тридцатью деревянными номерками, вешающимися на маленькие колышки. Около уборной прикрепили циферблат со стрелкой и тридцатью нумерованными делениями. Соответственно, желающие разбирали номерки, а после использования цепляли обратно, заодно передвигая стрелку на следующее деление. Простая мера основательно уменьшила пустую толкотню.

Во-вторых, мне удалось поправить вопрос с питанием – и своим, и сокамерников. Надо сказать, тюремное меню удивляло меня еще со времен одиночки. Первое же дежурство по тюремной кухне – «обычных» заключенных тут широко привлекали к работам по уборке и благоустройству – открыло страшную поварскую тайну: что каша, что суп варятся на пару, в специальных котлах под высоким давлением. То есть получается: при в общем-то достаточном количестве и калорийности они наистро лишены витаминов. Сначала я отнес подобную глупость на слабость советской экономики и лень персонала, однако... По странному совпадению оказалось, что из списков допустимых к передачам продуктов аккуратно вычеркнуты и

свежие овощи, и яблоки, и лимоны, и ягоды, и молочные продукты – буквально все, что может поставить заслон на пути цинги и фурункулеза.

Уж не знаю, умышленно администрация ослабляет заключенных в надежде, что болезненная слабость и апатия быстро сломят волю к сопротивлению, или налицо убийственная безграмотность, но в любом случае терять здоровье я не собирался. Поэтому в ход пошли старые добрые проростки пшеницы, ржи, овса и прочих злаков, гречи. Чего уж проще, ведь в зерне особого недостатка не было, воды и жестянок тоже хватало. А результат оказался на загляденье, не прошло и пары недель, а камеру стало не узнать! С лиц ушел нездоровый землистый цвет, заметно сократилось количество пустых и глупых ссор ни из-за чего, все чаще слышался смех...

А еще неделю спустя мне наконец-то повезло переехать с пола «наверх» и оончательно влиться в пестрый, но потрясающе интересный коллектив «библиотечной» камеры.

Кого тут только не было: полдюжины профессоров, преподаватели вузов, инженеры – химики, электрики, геологи, механики, путейцы; ученые, многие с мировым именем, архитекторы, историки, археологи, музееведы, музыканты, офицеры армейские и флотские, наконец, много людей духовного звания.

По вечерам устраивались лекции на темы типа «Промысловые рыбы северных морей», «Производство стекла», «Что такое благодать Святого Духа», «Нержавеющие стали», «Современный взгляд на строение материи», «Анализ трагедии Гете «Фауст», «Восстание четырнадцатого декабря со стратегической точки зрения», «На каком языке разговаривали Адам и Ева в раю», «Родословная Козьмы Пруtkова». Причем лекции читали лучшие в мире специалисты своего дела!

Излишне упоминать, что мои знания на таком фоне выглядели, мягко говоря, неказисто. Пришлось заняться фантастикой в прямом смысле. А именно, как дошла очередь – часа три подряд рассказывать о компьютерах двадцать первого века, полупроводниках, интернете и прочих чудесах.

Следователи, похоже, про меня просто забыли. По крайней мере, мой первый допрос оказался и последним. Поначалу я переживал, казалось, чего уж проще: одна-единственная очная ставка с другими скаутами – и все, моя невиновность полностью доказана! Исчезнет опасный для социализма Обухов, появится несчастный молодой человек, потерявший память от удара по голове при аресте, которого вроде как нет ни малейших оснований держать в тюрьме, а совсем наоборот – необходимо срочно отправить в больницу на лечение. А уж там-то мне наверняка подвернется возможность продемонстрировать свою безопасность для окружающих, выбраться на волю и получить наконец обратно в свои руки неосмотрительно спрятанный смартфон. После чего честно исполнить долг перед партией и народом, то есть обратиться в соответствующие инстанции с нормальными доказательствами из будущего.

Однако полдюжины писем-просьб к следователю остались без всякого ответа! Как и несколько жалоб в вышестоящие инстанции...

Несмотря на это, я не особенно волновался – происходящее по-прежнему напоминало навороченный квест, и в глубине души я пребывал в полной уверенности, что в липовом насквозь деле «скаута Обухова» рано или поздно следствие или суд разберутся, а меня – выпустят.

Все же двадцать седьмой год – совсем не тридцать седьмой, я твердо помнил из учебников, что в это время никаких особых репрессий не происходило. Наоборот, на воле – разгар НЭПа, в многочисленных кабаках и ресторанах вполне свободно жируют с ананасами и рябчиками самые настоящие буржуи, живут и работают многочисленные специалисты, открыты представительства иностранных компаний, зарубежные журналисты, как говорят, совершенно свободно ездят по стране.

Особенно меня успокаивал тот факт, что никто не выбивал из меня самого главного, королевского доказательства, которое постоянно фигурировало в книгах и учебниках про громкие процессы конца тридцатых годов, а именно – собственноручно написанного и подписанного признания вины. Если уж знаменитых большевиков мордовали ради этой малости смертным боем, до кровавых клякс на страницах протоколов, то меня-то точно не пощадят...

Разумеется, если кому-то на самом деле нужно сделать из меня Обухова. А если нет, то придется просто ждать, пока чертовски неповоротливая чекистская бюрократия не обнаружит полного отсутствия улик и любых иных доказательств да не выпихнет меня обратно на промерзшие улицы Петербурга...

Но дни шли, и я все больше втягивался в тюремную жизнь, тем более что у меня нашлось чем занять свободное время. А именно – учебой. И ведь было чему! Редкий из моих соседей-заключенных не говорил свободно на двух, трех, а то и более языках. Мой же университетский английский, который я ранее полагал очень неплохим, на поверку оказался до неприличия ужасен.

За повышение образовательного уровня «изобретательного выюноши со странными фантазиями о будущем в голове» с великим рвением взялся чудесный человек, профессор филологии Кривач-Неманец – седой как лунь, но сохранивший блестящий разум чех лет семидесяти пяти. До тюрьмы он служил переводчиком в комиссариате иностранных дел, поэтому обвинялся в шпионаже в пользу международной буржуазии – всей сразу, надо полагать. По части языков он был экстраординарный специалист: бегло говорил на нескольких десятках, включая китайский, японский, турецкий и, естественно, все существующие европейские. Мне стоило большого труда убедить эдакого полиглота, что кроме шлифовки наречия Шекспира мой бедный мозг сможет вместить в себя максимум немецкий и французский. Он-то по доброте душевной готовился преподавать вдобавок к ним греческий и латынь, чтобы вышло «не хуже, чем в старой доброй гимназии»^[29].

Все равно мало не показалось: профессор подговорил сокамерников, и более со мной на родном языке никто не разговаривал. Книг на русском читать не давали, разве что газеты, глаза бы мои их не видели. Какая там вялость? Какое безразличие? Мелкая тюремная суэта – очередь к шкафу с посудой, к котлу с кашей – все ненужное, глупое и досадное шло за отдых. Вечерние лекции и минимальная физкультура воспринимались как настоящий праздник. Зато прогресс в обучении не сравнить с университетским: более-менее общаться с сокамерниками на иностранном языке я начал уже к лету, а к зиме мог похвастаться свободным английским, очень недурным французским и сносным немецким. Ближе к новому тысяча девятьсот двадцать восьмому году я всерьез начал подумывать прихватить чуток испанского, но...

Перемены в советских тюрьмах, как правило, внезапны и пессимистичны. Хотя надо признать, в годовщину моего провала в прошлое вечер начинался вполне весело и беззаботно. Случилась неожиданно бурная перепалка на «языке любви» между паном Феликсом – обычно чрезвычайно учтивым и опрятным польским ксендзом, умудрявшимся поддерживать в достойном состоянии свою обносившуюся сутану, – и отцом Михаилом, примерно столь же скромным и аккуратным православным священником. Кто бы мог подумать, что они разругаются чуть не до пошлой драки? И все из-за предков, как оказалось, бившихся смертным боем во времена Польского восстания!

Весело разнимали, а потом утешали всей камерой.

Затем мы провожали на волю Штерна, австрийского подданного. Еще в тысяча девятьсот двадцать третьем году он и двое товарищей заключили с одним из петроградских заводов годовой договор в качестве специалистов по лакировке кожи. Хотя условия в СССР им не понравились сразу, все же обязательства они исполнили честно и сполна. Но продлить договорные

отношения отказались, и... всех троих посадили в Шпалерку, сказав, что выпустят, когда они подпишут новый контракт. Сдаваться строптивые иностранные подданные не хотели, извернулись и поставили в известность австрийского консула. Он вступился, но только за двоих, а третьего – еврея по национальности – оставил выпутываться самого. Так Штерн оказался забытым в камере на целых три года! И вот теперь сокамерники из тех куркулей, кто получал из дома передачи, собирали «иностранцу» хоть какую-то одежду взамен его старой, давно истлевшей.

А потом неожиданно, по сути уже в нерабочее время, надзиратель вызвал моего учителя:

– Эй, гражданин Кривач, поторопись на выход!

– Не дай бог, если меня к Кукушке сегодня, – побледнел профессор, поднимаясь с лавки.

Таким нелестным именем обитатели камер звали тюремную канцеляристку, по слухам – кривоногую, щербатую барышню, которой вменялось в обязанность объявлять тюремные приговоры.

Вернулся профессор быстро, не прошло и четверти часа. На мои расспросы просто протянул маленькую бумажку-квиток. В слабом, чуть колеблющемся свете электролампочки я сумел прочесть: «Петроградская коллегия ГПУ признала гражданина С. П. Кривач-Неманец виновным по ст. 58 п. 4 и ст. 58 п. 6 уголовного кодекса РСФСР и постановила приговорить С. П. Кривач-Неманец к высшей мере наказания – расстрелу с заменой 3 годами заключения в Соловецком лагере особого назначения».

– Начинали по шестьдесят четвертой и шестьдесят шестой, закончили по пятьдесят восьмой^[30], – пошутил он подозрительно бесцветным тоном, пока я пытался осознать смысл приговора. – Да только итог один.

– Но три года – это же совсем немного, – попробовал возразить я. – Можно сказать, что амнистировали! Вы в прекрасной форме, еще успеете на свободе погулять!

– Нет, Лешенька, – покачал головой старый чех. – Летом у меня был шанс пристроиться где-то на пересылке до холодов. А сейчас этапом, с моими больными легкими, да еще на Соловки... Гарантированное убийство. Подлое, знаешь ли, не хотят своими руками дуло нагана в седой затылок толкать. Для этого у них, – он особым тоном выделил «у них», – припасены в достатке мороз, голод и шпана.

Трехлетний срок был в общем-то не слишком редок для узников «библиотечной» камеры, среди которых хватало пожилых людей. Следователи с ними не торопились, так что кое-кто умирал прямо в тюрьме, буквально от старости. К примеру, на второй день после моего перевода в общую камеру, немало меня напугав, скончался некий генерал Шильдер^[31]. По словам друзей, его держали в заключении за переписку с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Еще один старик уже несколько месяцев находился, что называется, на грани: худой как скелет, на неразгибающихся ногах, голова совершенно лысая, желтая, покрытая редкими волосиками, как у чудовищного птенца, ввалившийся беззубый рот, частичная потеря памяти. Иногда он впадал в длительное обморочное состояние, которое внешне ничем не отличалось от смерти. Раз за разом соседи ошибались и вызывали к нему, как новопреставленному, лекпома, то есть лекарского помощника.

Грешным делом, я считал такой порядок чем-то типа неизбежного уровня революционного зверства. Просто так отпустить контру выходит не по-коммунистически, но и наказывать реально не за что. Вот и дают три года «шпионской деятельности»...

Отчаянно жаль, что тут не принято брать в зачет время предварительного заключения, но все равно три года отработки на лесоповале не казались мне чем-то невероятно ужасным.

Однако сам факт замены расстрела «всего-то» тремя годами здорово меня напряг.

– Неужели все настолько плохо? – спросил я.

– Не хотел тебя пугать раньше времени, – ответил учитель, не поднимая взгляда от пола. – Сильных, молодых – хорошо если треть возвращается^[32]. А для такого старика, как я, сей путь есть дорога в один конец. Уж лучше бы пуля! Но ты... – Каким-то немыслимым напряжением

сил Кривач одернул себя и даже улыбнулся. – Ты молодой, за себя не переживай, вижу – хваткий парень, всегда вывернешься.

– Но как же так?.. – в растерянности промямлил я. – Неужели они не понимают?!

Ничего более умного в голову не приходило.

– Знаешь, Алексей... – неожиданно перешел на тихий, едва уловимый шепот Кривач-Неманец. – Как-то еще в двадцать третьем пришлось мне переводчиком выступать на одном интересном допросе... Тогда я еще им, то есть товарищам нашим... – Он опять выделил интонацией явно неприятное слово «товарищам». – Верил. Мне уж точно не судьба, а вот ты твердо запоминай. Есть во Франкфурте-на-Майне – найдешь, поди, – Metzler Bank. Там снят в сейфе ящик отдельный, предъявить права на который может тот, кто назовется Oberst Ludwig Richter. Прямо так, и никак иначе, буква в букву, – дай сейчас запишу, после зазубришь. – Профессор дотянулся до старой газеты и быстро вывел слова огрызком карандаша. После чего продолжил: – Не беспокойся, документа никакого не спросят, просто порядок такой. Имени, конечно, мало будет для банкиров, так что запоминай пароль: «Tatsachen gibt es nicht, nur Interpretationen»^[33]. Все понял?

Я смог только кивнуть в ответ, повторяя про себя кодовую фразу.

Дождавшись, пока я окончательно все уложу в голове, старый чех продолжил свой рассказ:

– Не знаю, что там точно, но ценность наверняка немалая. За эти слова пятерых убили, а потом еще и мой начальник с замом друг друга перестреляли. Лишь про меня – хе-хе! – забыли, идиоты краснопузые. Думал, выберусь с очередной делегацией из Совдепии, пригодится, чтоб старость не в ночлежке встретить. Но не судьба, видать, так хоть тебе сгодится. – Он легко отмел мою слабую попытку возразить. – Не спорь со старшими, не надо. Обещай только, если сможешь, отомстить... За меня тоже!

– Все что будет в моих силах, – без всякого пафоса подтвердил я.

Слово «мечь» пока не стучало в мое сердце, но в любом случае деньги казались сущей мелочью на фоне еще не случившейся – невероятной, но все равно неизбежной – гибели такого выдающегося человека, как Кривач-Неманец.

– Ничего, Бог поможет. – Он положил руку на мое колено. – Я свое отжил. А ты себя сбереги. И вообще... Совсем старый стал, дурака свалил. Забудь про мечь, слышишь, забудь! Сможешь добраться до Германии – проживи все, что найдешь, в свое удовольствие, а о Совдепии думать забудь. Купи фольварк где-нибудь в Баварии, девку найди посимпатичнее, детей настрагивай десяток. Вот... Вот это и будет самый лучший ответ большевикам!

– П-п-постараюсь, – пробормотал я, едва сдерживая слезы.

– А теперь давай на боковую, – резко сменил тему старый чех. – И так засиделись.

Он откинулся на койке и как-то очень легко уснул. Наверное, именно так должны засыпать люди, до конца выполнившие свой долг.

Как его забрали, я не услышал, самым глупым образом продрых. Хотя не думаю, что профессор на меня за это в обиде. Скорее наоборот – он явно собирал вещи украдкой, чтобы не разбудить меня, знал: я бы ни за что не взял от него прощальный подарок – шикарные, совсем новые немецкие калоши. Мой будущий счастливый талисман...

Больше месяца я провел как в тумане.

Вдребезги, в клочья и пыль развалилось тщательно выстраиваемое в глубине сознания убежище, в котором пряталась вера в справедливость и свободу. Стали нестерпимо смешными фантазии бессонных ночей, в которых я мечтал о самой малости – адвокате, свидетелях, да просто хоть каком-то суде! Хотя уже тогда по рассказам соседей прекрасно понимал – ничего, абсолютно ничего подобного на процессах ГПУ нет и в помине!

Надежда умерла...

Я забросил обучение, хотя педагогов по-прежнему было в достатке, прекратил тщательный уход за волосами и одеждой, перестал заниматься физкультурой, в общем, отчетливо показился вниз, в тупость, грязь, к блохам и клопам.

Вытащил меня из депрессии, а вернее сказать, спас от гибели староста. Уже не тот, который принимал меня в камеру, а новый – неисправимый оптимист Семен Павлович Данцигер.

Его отец когда-то имел в Минске кожевенный заводик аж с целыми пятнадцатью рабочими, и это стало натуральным проклятием для сына. Сначала – сразу после национализации – Данцигер удрал в Пермь, устроился в какой-то кооператив, но там быстро вынюхали его торговое происхождение и выперли. Голодал, пристроился к какому-то кустарю выделывать кожи. Через полгода кустаря посадили за спекуляцию – скупку кож скота, но Семен Павлович сумел сбежать в Новороссийск и пристроиться грузчиком. На профсоюзной чистке какой-то комсомолец выскочил: «Так я же его знаю, у его отца громадный завод был». Выгнали и посадили за сокрытие классового происхождения. Отсидел полгода, уехал в Петроград и устроил кооперативную артель «Самый свободный труд»...

Вот тут-то его и арестовали за дачу взятки^[34].

Сперва этот «великий комбинатор» пытался обойтись внушением, наверное, в его голове просто не укладывалось, как молодой парень может сломаться из-за такой малости, как старик-учитель. Тогда как он сам сумел пережить куда более страшные удары судьбы: смерть родителей от болезней – а скорее от неустроенности и плохого питания, – гибель воевавшего за белых брата и еще многое, накопившееся за десяток лет борьбы за существование. Но, осознав тщетность простого пути, Семен Павлович немедленно изобрел иной сильный ход. А именно, поселил рядом со мной новенького – веселого, жизнерадостного сверстника, студента-филолога Диму Лихачева^[35], попавшего в Шпалерку за шуточную поздравительную телеграмму от имени папы римского.

Банальный стыд оказался куда сильнее логики и здравого смысла. Он живо вышиб из моих мозгов тоску, заставил очнуться и привести себя в порядок.

Жаль, что уже через несколько дней наша зарождающаяся дружба оборвалась навсегда – Кукушка наконец-то добралась до меня.

– Обухов, в канцелярию! – однажды долбанул сапогом по решетке надзиратель. – Подымайся, тута, знаешь ли, ждать страсть не любят!

Он сопроводил меня в комнату, где я наконец-то смог убедиться, что облик легендарной канцеляристки как нельзя лучше соответствует прозвищу. Впрочем, голос у нее оказался, наоборот, сильным и приятным.

– «Слушали: дело гражданина Обухова Алексея Анатольевича, по обвинению его в преступлениях, предусмотренных статьей 58-11^[36], – скороговоркой прокуковала она шаблонный текст. – Постановили: признать виновным в преступлениях, предусмотренных указанной статьей, и заключить его в концентрационный лагерь ОГПУ^[37] сроком на три года. Дело сдать в архив». Распишитесь...

Кукушка положила бумагу на стол, текстом вниз. Я потянулся перевернуть, прочесть приговор своими глазами.

Надзиратель резко одернул:

– А ну, не задерживай, у меня нет времени с каждым валандаться!

– Мне по этой бумаге три года жить, – возразил я, все же переворачивая злосчастный документ.

– Напрасно сомневаешься, Обухов, – злобно скривилась канцеляристка, отчего из страшненькой превратилась в настоящую кикимору. – Можешь вообще ничего не подписывать, от этого ничего для тебя не изменится.

Не споря, быстро пробежал глазами текст, тщательно запомнил номер дела и дату. Кривач-Неманец специально предупреждал, что без указания этих сведений любое обжалование

не имеет даже крохотного шанса на рассмотрение. Вписал в строчку для подписи свое настоящее имя – Алексей Коршунов, поставил закорючку... Уже как осужденный.

– Чего расселся-то?! – грубо поторопил надзиратель. – Пшел быстро! Манатки в охапку, этап не за горами!

Глава 3

Путевые заметки

Бирзула, апрель 1930 года

(3 месяца до рождения нового мира)

За окном смеркалось. Как будто подстраиваясь под угасание дня, все реже звучал перестук колес на стыках, ощутимо замедлился бег телеграфных столбов. Вдоль дороги потянулись замызганные заборы и сараи. Рельсы начали ветвиться стрелками, уходящими в обветшалые, но многочисленные ремонтные или погрузочно-разгрузочные закутки. Неожиданно совсем рядом с составом проплыла монументальная «свечка» странного здания красного кирпича с несвежей, но все же белой отделкой окон и вычурных фронтонов. Очень небольшое, немногим длиннее вагона, оно высилось на целых пять этажей. И почти сразу за ним показался верный признак крупной станции – невысокий асфальтированный перрон, за которым под грубой коричневой штукатуркой скучало двухэтажное здание вокзала.

Состав остановился, потом чуть сдал назад и опять дернулся вперед, как будто поудобнее устраиваясь на месте^[38].

– Станция Бирзула^[39], – сквозь негромкий металлический лязг буферов и сцепок донесся из коридора голос проводника. – Стоянка сорок пять минут.

Бросив завистливый взгляд на безмятежно спящего Якова, я все же решил размять ноги.

– А чего ж так долго-то? – выйдя в коридор, окликнул я кстати вывернувшегося проводника. – Вроде невеликий городок.

– Время ужинать, – удивился он моей недогадливости. – Вы-то, товарищ, ежели кушать захотите, так в местный ресторан-вагон сходить извольте-с, он тут совсем недалеко, третий вагон, только через первый класс пройти-с. Коли заказать чего изволите-с – принесем в сей же час. А пассажирам из жесткого в буфете на вокзале подают-с.

– Снова все звери равны, – пробормотал я себе под нос. – Но некоторые равнее других. В короткой борьбе между ленью и любопытством победило второе.

В воздухе над перроном пахло дымом и уборной. Из передних, ближних к паровозу зеленых вагонов к вывеске «Буфет» бойко, почти бегом тянулись желающие поесть.

Добравшись до засиженной мухами стойки, я чуть не поперхнулся от давно забытого лагерного запаха. Однако толпа, ничуть не смущаясь, шустро разбирала единственное доступное блюдо – вареную перловку без капли жира с тощей селедкой по цене рубль с гривенником. Насколько я успел понять нынешние советские реалии – весьма адекватное по деньгам предложение. Хотя не уверен, что такое стали бы жрать собаки из моего родного две тысячи четырнадцатого года.

Собравшись было уходить, я заметил в стороне вывеску-указатель: «Буфет для пассажиров первого и второго классов». Я уже прикидывал, как доказывать свою принадлежность к привилегированному сословию, но вход оказался свободным для всех.

Чуть более приятные ароматы, на покрытых пестрыми, удачно маскирующими пятна скатертями столах стоят цветочные горшки, украшенные розовыми и лиловыми лентами. И всего несколько посетителей!

Причину такого «счастья» я понял, как только взял в руки меню: капустный суп, жареная рыба с картофельным пюре, кофе и булочка с маслом стоили целых девять рублей. То есть недешево даже для такого буржуа, как я, и чуть не в пять раз дороже среднепаршивых одесских забегаловок.

Экономия мигот отправила чувство голода в далекое, слегка эротическое путешествие. Положив роскошную обложку тисненой кожи с одиноким желтым листочком отпечатанных на машинке расценок обратно на стол, я тихо смылся в шумную суету перрона... чтобы немедленно попасть под прессинг небольшой стайки попрошаек-беспризорников лет пяти – десяти. Отбиться стоило немалого труда и полдюжины медных монеток. Впрочем, надо отдать им должное, процесс облегчения карманов шел весело, можно сказать, с улыбкой, да и окружающие относились к детям удивительно спокойно и по-доброму.

Тем временем очередь в буфет успела рассосаться, однако у пассажиров немедленно нашлась новая забава – вооружившись огромными, чуть не полуведерными медными чайниками или котелками – а то и двумя-тремя, как видно для соседей, – они толпились около сложенной из кирпича еще в имперские времена будки с выведенной белой краской надписью «Кубовая». Хотя выдавали там отнюдь не «кубы», а кипяток. Система работала на самообслуживании: два высоких бака с кранами, соответственно для горячей и холодной воды, знай подставляй посуду.

И только тут я наконец понял, чего не хватает в картине провинциального вокзала. Где же неизбежные, встречающие каждый поезд торговки снедью и навязчивые спекулянты нативными сувенирами?! Почему бабульки не продают успевшим оголодать за пару-тройку часов пути товарищам домашние пироги, вареные яйца, сметану? Куда подевалась воспетая в железнодорожных сагах синюшная картошка? Как страждущие обходятся без неизбежной закуски, в смысле – маринованных и соленых огурчиков?

Может быть, продавцов просто не пускают на перрон? И стоит поискать вкусный, горячий калач с другой стороны вокзальных дверей?

Не откладывая в долгий ящик – тем более что вокзальный колокол уже отзвонил первое предупреждение, – я быстрым шагом пересек полупустой зал ожидания и в ошолоблении замер на крыльце.

Привокзальную площадь – всю, с окрестными улицами! – плотно забивала чудовищная орда. Опрятные с виду телеги перемежались кучами наваленных прямо под открытым небом узлов, корзин, свертков, а то и вообще сомнительной рухляди. В проходах, а кое-где и прямо поверх скарба мельтешили толпы разновозрастных детей. Кто-то просто играл, другие возились вокруг маленьких костерков, третьи занимались починкой своих вещей или иным попутным ремеслом. Хозяева – судя по всему, местные крестьяне – сидели в рядок около закрытого на амбарный замок окошечка кассы.

– Вот, значит, оно как... – пробормотал я.

Одно дело – читать о коллективизации в учебниках или газетах, совсем другое – видеть результаты жестокого социального эксперимента буквально лицом к лицу. Хорошо хоть в относительно сытом тридцатом! Что же тут будет твориться через пару лет, в разгар голода?

– Лес рубят – щепки летят, – продолжил я вслух, но тут же поймал злой взгляд патрульного.

Его напарник, выразительно поправив ремень винтовки и стряхнув шелуху семечек с губ, развязно посоветовал:

– Шли бы вы отсюда, товарищ... К поезду.

До своего вагона я добрался со вторым колоколом.

– Напоили лошадку, повезла, – встретил меня проводник и улыбнулся с откровенной хитринкой. – Не изволите-с чего из вагона-ресторана?

– Изволю. – Я непроизвольно подстроился под его манеру говорить. – Но завтра с утра, пожалуй. Сегодня никак, надо доесть то, что из Одессы прихватили.

– Как прикажете-с. В котором часу подать-с?

– Часиков в девять приносите, – обозначил я время, лишь бы скорее отвязаться от докучливого проводника, чем рассчитывая что-то получить на самом деле.

И сразу отвлекся на презанятнейшее зрелище: невысокая женщина лет тридцати пяти, кажущаяся миниатюрной даже несмотря на изрядную полноту, тащила по проходу на своих плечах нажравшегося до положения риз краскома. Его голова болталась из стороны в сторону на каждом шагу, мутный расфокусированный взгляд бессмысленно скользил по обстановке и людям. Неприятное, лошадиное лицо, усики скобочкой а-ля Гитлер...

«Где-то я его видел», – мелькнула мысль.

Петлицы с ромбом, однако большой начальник... Канта не видно, неужели ГПУ?!^[40]

Курилко! Главпалач Кемской пересылки! Бывший гвардейский офицер белой армии^[41], потом большевик и чекист! Любитель маршировки, криков «Здра!», холодных карцеров, выстойки на комарах и вообще практик убийственно черного юмора. Сколько прекрасных людей остались навсегда в мерзлой земле по его вине!

Пока я изображал соляной столп, женщина умудрилась не только проволоочь гражданина начальника мимо меня, но даже втащить мерзкое тело в купе.

Через неплотно закрытую дверь я мог видеть, как она сосредоточенно стягивает со своего сваленного на диван мужа или, может быть, любовника сапоги, галифе и следом – грязный заблеванный китель. Затем, собрав вещи, она скрылась за дверью уборной, из которой сквозь выходящее в коридор матовое стекло послышался шум набираемой в раковину воды.

Сколько она там будет стирать? Минимум пять минут? Хватит времени заскочить, придавить подушкой лицо и подождать, пока затихнут конвульсии!

Непроизвольно я сделал шаг к двери, другой и... И, резко взяв себя в руки, пошел в свое купе.

Какой смысл брить волосы по одному, когда надо отсекай голову? Зачем делать из прохвоста героя, погибшего от руки недобитой контры? Ведь я-то точно знаю: недолго виться сволочной карьере – скоро шлепнут свои же и, сильно надеюсь, справятся куда раньше кровавого тридцать седьмого^[42].

Однако повернуться перед сном в этот вечер мне пришлось изрядно...

Глава 4

На пути в университет миллионов

Ленинград – Карелия, январь 1928 года

(30 месяцев до рождения нового мира)

«Этап» – простое, емкое слово. Для меня же в нем сошелся как отчаянный страх соприкосновения с настоящим уголовным миром, так и нестерпимая жажда хоть каких-то перемен – однообразный «санаторий» Шпалерки неторопливо, но абсолютно реально сводил с ума.

Хотя слухи о дороге на Соловки ходили самые что ни на есть жуткие, я смотрел в будущее с оптимизмом. А что, я более-менее сыт, здоров и очень неплохо одет – отданное сокамерниками за ненадобностью старое пальто с торчащими во все стороны клочьями ваты и жалкий облезлый трех великолепно маскировали неприлично тонкий, но теплый костюм двадцать первого века. Калоши «от товарища Кривача» прикрывали весьма экзотичные для данного времени ботинки. То есть на первый взгляд я напоминал здорового, отъевшегося на казенных харчах бомжару со свалки.

Чемоданов и баулов нет, рюкзачок под пальто не видно – грабить нечего. Зато отпор, просто в силу габаритов, обещает быть неслабым.

В любом случае от моих желаний и душевных метаний не зависело ровным счетом ничего.

Через пять дней после оглашения приговора вызвали из камеры «с вещами», сунули в руки три булки пайка и без лишних сантиментов впихнули в автозак в компании с парой десятков заключенных. Не слишком приятное приключение, но после камерной стабильности новые люди, обрывки сдавленных фраз, а главное, доносящиеся из-за хлипких стенок звуки большого города ввергли меня в удивительное состояние испуганной экзальтации.

Так что, прыгнув из знаменитого, но на поверку жалкого и скрипучего грузовичка-«воронка» на грязный, утоптаный арестантами снег, я едва не задохнулся от холодной волны, пробежавшей снизу вдоль позвоночника к сердцу: неужели «это» наконец-то началось?

И с удивлением и даже некой парадоксальной обидой констатировал: обещанные ужасы откладываются. Нет и в помине оскала собачьих клыков в лицо, задорного мордобоя, пристрастных обысков и обещаний стрелять без предупреждения. Атмосфера, если соотнести ее со средним уровнем бытового зверства эпохи, царит чуть ли не семейная.

Нестройная толпа из подъезжающих автозаксов медленно сочится между двойной цепью равнодушных солдат к дверям вагонов, начальники конвоев, устало переругиваясь, сверяют накладные на живой груз, а чуть поодаль пяток бойцов с обнаженными шашками в руках отгоняют прочь жен, детей, родителей, друзей, сослуживцев – всех тех, кто пытается, возможно, в последний раз увидеть дорогое лицо, а при удаче – услышать прощальные слова, бодрые по форме, но безнадёжные в своей сути. Последнее, впрочем, сделать непросто – сотни криков превращаются в сплошной нечленораздельный вопль человеческого горя, отдельные слова и голоса в нем тонут без остатка.

Неожиданно, скорее всего пытаясь отвлечь себя от дурных мыслей, меня толкнул под руку пожилой сосед.

– Третий класс подали^[43]. – Он мотнул головой в сторону ближайшего вагона. – Жаль... Столыпинские лучше.

– Почему? – искренне удивился я.

При словосочетании «столыпинский вагон» воображение рисовало картину чего-то мрачного, предназначенного скорее для скота и сельхозинвентаря, но никак не для людей^[44]. Стоящий же перед нами вагон выглядел куда веселее: зеленый, с рядом больших квадратных

окон, по понятной причине забранных решетками и лишенных стекол. Всего и отличий от того, что можно встретить на любом вокзале двадцать первого века, – примерно вдвое короче^[45], открытые тамбуры, да вместо пары двухосных тележек по краям – три отдельные оси, причем одна посередине.

– Все просто... э-э... молодой человек...

Я поспешил учтиво кивнуть:

– Алексей, студент и контрреволюционер. Прошу, так сказать, любить и жаловать.

– Михаил Федорович, очень приятно. – Представившись, мой собеседник принялся развивать мысль далее: – При разработке переселенческих, иначе говоря, столыпинских вагонов их внутренний объем конструктивно разделили на шесть отделений с раскладными трехъярусными нарами, а по краям поставили печки и умывальники. К сожалению, мне достоверно неизвестно, кто первый придумал закрыть получившиеся купе решетками со стороны прохода и перевозить там заключенных, но получилось удачно, потому как выжить в такой камере вполне реально, даже если вместо положенных восьми человек набить полтора десятка. Причины следующие: во-первых, охрана едет в этом же вагоне, поэтому в нем относительно тепло, во-вторых, шпана не прирежет и вещи не сворует, там сложно сбиться в опасную шайку, в-третьих...

– А чем так плох третий класс? – поторопил я Михаила Федоровича.

Пусть не слишком вежливо, но в очереди к подножке перед нами осталось всего несколько человек и практические знания требовались куда раньше качественной теории.

– «Родные» скамейки выломаны, вместо них сооружены сплошные нары на весь вагон. – До моего ученого собеседника, по-видимому, дошла пикантность момента. – Печка одна, посередине, дров может не быть вообще, так как охрана едет отдельно.

– И что делать нам? – Я выделил интонацией последнее слово.

– На самый верх не пробиться, – зачастил Михаил Федорович. – Вернее, вы, конечно, пролезете, но без дружков-подручных выстоять шансов нет, выбросят. Вниз – опасно, замерзнем насмерть. Так что штурмуем среднюю полку, как Вильгельм Англию. И, разумеется, желательно занять место поближе к центру вагона!

– Yes, sir!³ – отрапортовал я в ответ, берясь за поручень. – Просто держитесь за мной как можно ближе, и король Гарольд будет разбит.

– А вы знаете, Алексей... – неожиданно донеслось мне в спину. – Всего четыре года назад я ехал в СССР первым классом. Проклятые сменовеховцы!^[46] Ну как же я мог им поверить?! Ведь последние деньги собрал... Помилуйте, каким же еще классом нужно ехать в потерянный советский рай? А теперь я снова еду в рай. Только не в первом классе и не в социалистический. Но все-таки интересно: есть ли рай на самом деле?

Услышать его маленькую речь я успел, а вот осознал ее лишь много позже. Неудивительно: за узкой дверью начинался филиал ада...

Окна со стороны узкого прохода оказались наглухо забиты, и в вонючей полутьме на сбитых из горбыля глубоких, метра на два нарах от пола до потолка кипел натуральный Мальстрем из тел. Обвешанные тряпьем, котомками и баулами люди с яростной руганью и криками атаковали давно занятые верхние ярусы, где более удачливые – успевшие захватить место – полусидя отбивались ногами. Мелькали тела, падали вещи, звенели чайники и какие-то кастрюли...

Пользуясь ростом, молодостью и отсутствием багажа, я прикрыл лицо локтем и тараном врезался в людское месиво. Десяток шагов вперед – и вот он, миг удачи: пара небольших шараг пытается при помощи костяшек кулаков обосновать право на соблазнительный кусочек пространства. Вмешиваться в их противостояние – сущее безумие, зато... Выбрав чуть в стороне узкий просвет между телами, я с разбега нырнул в него с криком, который едва ли кто-то услышал:

³ Да, сэр! (англ.)

– А ну, подвинься, промеж вас на троих места хватит!

Мой недавний собеседник явно видал и не такое: он понял идею без подсказки и повторил мой прием, стараясь вслед за мной оттеснить, сдвинуть несколько человек вбок, как раз на спорный в данный момент, а потому свободный участок досок.

Маневр удался!

Дородный господин – не иначе бывший поп – не выдержал напора и со злым утробным рыком перекатился на своего соседа, тот в свою очередь подался, и вот мы на месте, да как удачно – прямо напротив окна.

Михаил Федорович ворчит: «Как бы не поморозиться, нужно непременно добыть тряпку...» – ведь стекла нет и в помине.

Но мне уже не до того: прильнув лицом к мощным, зато не слишком частым прутьям решетки, я уставился на жалкое подобие перрона...

Оказалось, мы прошли в числе первых, то есть погрузка и не думала прекращаться. Создавалось впечатление, что в полдюжины жалких деревянных коробочек конвоиры решили запахнуть половину города!

Граждане заключенные шли мимо моего окошечка в священнических рясах, скромных пальто, шикарных шубах, армяках и парадной военной форме... Бритые, заросшие по самые брови щетиной, в очках и без оных, старики, молодые...

Скоро я перестал отличать их одного от другого – в памяти отпечатывались только из ряда вон выходящие случаи. Например, один юноша шествовал по морозу, завернутый в одно лишь рваное одеяло, его по-страусиному худые голые ноги гордо торчали из огромных валенок с обрезанными голенищами.

Каков у подобных неудачников шанс вырваться из концлагеря? Хотя о чем это я? Достаточно прикинуть их шанс туда добраться после недели вагонной стужи!

Немного погодя пришло время для следующей забавы. Под свист, хохот и скабрзные насмешки эков конвой подал контингент для женского вагона – оказывается, тут есть и такой.

Хотя смотреть, даже учитывая более чем годичное отсутствие присутствия, абсолютно не на что. Вневозрастные тетки, обмотанные платками почище чем паранджой, или разбитные бабенки второй, а то и третьей свежести, но вот...

Где отец вот этой совсем молоденькой девочки?! Офицер ли царской армии, стигнувший в огне Гражданской, священник ли, таскающий бревна в ледяной воде Белого моря, меньшевик ли, замешанный в «шпионаже» и брошенный за свою революционную веру в камеру какого-нибудь страшного Томского, Екатеринославского или Суздальского изолятора? Неподходящая по сезону, но добротная одежда сразу выделяла ее из толпы. В руках пусто, нет сумки, а значит, нет ничего, даже выданного на дорогу пайка, ведь в отличие от меня она не могла разломать хлеб, чтобы засунуть куски в поддетый под пальто рюкзачок да многочисленные карманы куртки и штанов. На лице ни кровинки, только разводы грязи и бессильный близорукий прищур глаз.

– Маша! – Непонятно как, но в этой какофонии звуков я не только выделил пронзительно-удивленный голос, но и умудрился заметить в толпе провожающих парня-ровесника в высокой гимназической фуражке.

«Вот же debil! – мелькнула мысль. – Пока есть силы, пока на воле, вывернись наизнанку, заработай – да хоть укради, наконец! – но найди денег на передачу, сам привези на Соловки еду и вещи, спаси ее!»

Скрипнули зубы...

Многомудрый Михаил Федорович как будто прочитал мои мысли:

– Ему ей не помочь. Уже не помочь. Поздно. Господи, спаси и сохрани! Дай ей легкую смерть... Сегодня же ночью... – с печалью произнес он.

Можно понять, когда в бой или на каторгу идут парни. Можно понять извечную женскую долю ждать, надеяться и верить... Но почему тут наоборот? Как он ее не уберег?

– И ведь сейчас лишь двадцать восьмой! – не смог сдержаться я и продолжил, впрочем, уже про себя: «Что же тут будет твориться в тридцать седьмом?!»

Между тем очередной чекистский «воронок» подкинул к составу новую, судя по всему, финишную порцию зэка.

Но что это были за люди!

Уголовники, или, как их тут принято называть, шпана, то есть те самые, кем охранники пугали интеллигентов «библиотечной» камеры. В центре немногочисленной, но плотно сбитой стайки двое парней подпирали, а скорее тащили главаря. Явно серьезно больной, он все же пытался держать фасон, покровительственно поглядывая на прильнувшие к решеткам лица, пока... Пока не наткнулся взглядом на меня.

Несколько мгновений, и вдруг его маска отрешенного спокойствия исчезла без следа, а рот открылся в крике-стоне:

– Коршунов! Лексей?!

Ответить я попросту не успел. Но это и не потребовалось, видимо, выражение моей физиономии сказало все быстрее и надежнее.

Лидер «неформальной группировки» что-то шепнул подручному и без сил обвис в его руках. Последовали какие-то команды-жесты, поднялась суতোлка, потом завязалась драка...

Я и не думал, что с местными конвоирами можно поступать столь бесцеремонно, ждал в ответ на бузу стрельбу и штыковые удары, но дело обошлось оплеухами и смачными пинками прикладов по чему попало. Главное же результат: не подающего признаков жизни пахана с близниками от греха подальше впихнули именно в наш вагон.

Только тут до меня дошла причина устроенного перфоманса: украденные год назад документы! Точнее – мой паспорт гражданина РФ!

Неожиданная, прямо сказать, память на лица у товарища уголовника. Хотя если подумать... Вот попал бандиту в руки странный документ, да еще с деньгами, кредитками и мелочовкой типа «студика»... Что должен думать предводитель шпаны районного значения?

Списать все на фальшивку?

Это ламинированную-то страницу с голографиями двуглавых орлов? Цветную, напечатанную на принтере фотографию? Лазерную, не деформирующую бумагу микроперфорацию номера? А еще водяные знаки, цветопеременную краску, шикарную полиграфию с эффектом муара, металлизированную полосу пластика в купюрах?

Ну уж нет!

На подобную глупость не решились бы даже отмороженные чекисты из Шпалерки. И без проверки в ультрафиолете^[47] понятно: нет таких технологий ни в СССР, ни у капиталистов.

Допускает ли сознание хроноаборигенов путешествие во времени?

Этим вопросом я озадачился еще в Шпалерке. После моих наводящих вопросов сокамерники припомнили древнего, но совсем не забытого «Янки при дворе короля Артура», затем отметили «Марсианский цикл» Берроуза, а один горный инженер из Перми, как видно большой любитель фантастики, пересказал сюжет «Бесцеремонного романа», написанного недавно и вполне автохтонными авторами^[48]. Оказалось, что сюжет там построен по всем канонам двадцать первого века. Главный герой, техник Верх-Исетского завода славного города Екатеринбург, бежит от разрухи Гражданской войны к Наполеону. Да не просто так, а с навязчивой идеей мирового масштаба – переиграть битву при Ватерлоо. После спасения великой империи собирается строить мартены, а также выпускать швейные машинки и браунинги...

Глупо отказывать главарю банды в способности сделать верный вывод из попавших в его руки бумаг. А стоит ему хоть на минуту поверить в иновременное происхождение, как немедленно последует приказ: «Всем, всем, всем! Всем жуликам и вора! Из-под земли достать

такого-сякого, приметы и фото прилагаются!» – чтобы потом не торопясь, в душевной и располагающей к откровенности обстановке вытрясти из тушки все знания о будущем. Так что ставлю термобелье против старых кальсон – блатные меня искали с огоньком, не иначе весь свой околоток с ног на уши поставили...

Размышления прервал закономерный вопрос Михаила Федоровича:

– Давно знакомы?

– Заочно, можно сказать, обстоятельства свели. – В попытках сползти с темы я не придумал ничего лучше, как ляпнуть правду: – Кто-то из его шайки у меня документ из кармана вытащил важный, с фотографией и приметами. Факт страшно досадный, можно сказать, из-за отсутствия этой бумаги я в тюрьму и влетел.

– Даже так?! – задумчиво покусал губу собеседник.

Недоумение понятно, сложно вообразить бумагу, из-за которой какой-никакой, но авторитет станет падать в обморок, как институтка.

Мне поневоле пришлось продолжать рассказ – только-только нормальный контакт с опытным человеком налажился, и терять его до смерти жалко, потому что социопаты в концлагере долго не живут.

– Уж очень серьезный документ, можно сказать, государственного значения. Но... специфический и опасный. Э-э-э... объяснить сложно, главное, использовать его для своей пользы без меня никак не выйдет. Продать невозможно, а голову потерять легче легкого.

– Однако, история... – Не думаю, что Михаил Федорович хоть что-то понял из моего путаного объяснения, но само по себе старание помогло – его голос ощутимо потеплел. Нажимать он не стал, а вместо этого, кивнув в сторону суетящихся урок, сказал: – Ведь главарь, похоже, действительно при смерти.

Грешным делом, я был уверен, что лидер шайки всего лишь симулировал внезапную потерю жизненной энергии. Но тут все серьезно – чуть понервничал и выключился из реальности. Едва ли из-за тонкой душевной организации, скорее вконец истончилась ниточка здоровья и воли, на которой держался подточенный криминалом организм...

Между тем толкотня и крики в вагоне практически прекратились, установилось какое-никакое, но равновесие.

Скудная ватажка шпаны не пыталась отвоевать себе жизненное пространство на нарах – они обосновались кружком отчуждения вокруг печки. Возможно, в уверенности достичь своего в любой момент при нужде или же опасаясь отпора, все ж пяток не самых крупных и здоровых парней – не та сила, чтобы переть буром против «общества». Так или иначе, но эти смахивающие на мутантов полуобнаженные ребята оказались единственными, кто занялся реально полезным на текущий момент делом – добычей огня из сваленных у стены заледепелых сучьев.

Бросилось в глаза и другое: неожиданное, но совершенно четкое социальное разделение каторжан. Никогда бы не подумал, что большинство – крестьяне. Раньше незаметными, как под шапкой-невидимкой, они просачивались мимо моего взгляда в толпе заключенных. Одеты во что попало, явно как захватил арест. Прямо с поля, из-за плуга – или что там еще у них есть в качестве основного средства производства – их стаскивали в уездную избушку-тюрьму. Врагу не пожелаешь – спать по очереди, гадить в бадью, пытаться выжить на ополовиненную надзирателями краюху. Искать правду на местах себе дороже во все времена – гражданин начальник настоящий царь и бог, без малейшего налета цивилизационного гламура. Поддержки с воли нет – безграмотным, оставшимся без кормильца женам и детям как бы самим не сдохнуть, где уж тут выручать тятку из судебной-правовой пучины.

Случайно переведенные в Шпалерку «везунчики» от сохи принимали окружавший меня кошмар за счастье: паек полный до граммов, тепло, охрана руки-ноги не распускает, как чудо наяву – водоснабжение и канализация. В избытке грамотные сокамерники, готовые со скуки

написать заявление, ходатайство, прошение, а то и просто письмо – куда угодно, хоть в самую Лигу Наций.

На этапе, в звериной борьбе за нары крестьянам просто не хватало наглости. Толстобрюхие попы или пожилые чиновники-интеллигенты – неуклюжие, лысые и полуслепые – в толкотне вагона оказались куда как проворнее и сильнее землепашцев, оттеснив последних на нижние нары, а то и под них, на пол, на верную смерть. Теперь оттуда – или, правильнее сказать, с того света – можно поймать лишь робкие взгляды. Так «сеятели и хранители земли русской» посматривают на более сильных и оборотистых граждан СССР. И, разумеется, на меня в их числе.

Верхние полки, к моему несказанному изумлению, захватил пролетариат. Каторжане-рабочие разобрались по заводам и представляли собой хоть и совершенно пассивную, но сносно организованную и оттого опасную силу. Кроме того, многие из них явно получали неплохие передачи с воли, так что они больше походили на отправившихся на заработки вольняшек, чем зэков. Последнее не слишком противоречило фактической стороне дела – данный контингент партия и правительство держали подальше от гиблых Соловков. Страдающих от отсутствия умелых рук заводиков в Карелии хватает, поэтому у работяг имеются совсем неплохие шансы вновь увидеть свои семьи.

Среднеярусная интеллигенция удивляла разнообразием типажей. Церковники, холя остатки былой дородности, тихо и кротко ненавидели всех вместе и каждого в отдельности. Контрики из бывших офицеров надменно игнорировали запуганную мелкотравчатую шелупень бумагомарателей и счетоводов. Нэпачи настороженно косились на окружающих из-под меха воротников и шапок, да покрепче прижимали к себе чемоданы с барахлом. Около самых дверей браво жался пяток нахохлившихся парней-одногодков, явно студентов и детей высокопоставленных родителей – судя по тому, что сам начальник конвоя с извинениями: «Уж вы, ребята, не сердчайте на нас: служба такая!» – передал им большой пирог и цветы^[49].

Я долго пытался придумать что-то общее, то, что могло бы их всех объединить в силу, способную дать отпор накатывающей волне великого террора, но не преуспел.

Тем временем наши вагоны дернулись, поклацали буферами, затем тронулись, сперва неспешно, с медленным, перетряхивающим весь вагон стуком колес по бесконечным стрелкам, а потом, после сцепки с хвостом обычного пассажирского поезда и выходом на «главный ход», – все быстрее и быстрее, на далекий и страшный север.

Передвижная клетка дергалась и валилась из стороны в сторону, хрустела брусьями рамы, скрипела жестью обшивки, замерзшие осколки стекол играли в лучах солнца серыми алмазами. Три пары колес на подозрительно частых стыках грохотали, как слабоумный барабанщик. Однако пассажиры принимали скулеж жалкой конструкции без страха, они вполне освоились на новом месте.

Как по команде, все зашевелились, послышались мат и смех, кто-то принялся доставать жалкий паек, кто-то – аппетитную домашнюю снедь. Я хотел было последовать их примеру и даже вытащил заначенную краюху, но меня остановил Михаил Федорович вопросом:

– Ты пить что собираешься?

И правда, запаса воды в вагоне никто не предусмотрел.

– Если по дороге не отцепят, послезавтра в Кеми будем, – наставительно добавил опытный спутник.

– Так что, все это время?..

– Именно! Охрана о нас позаботится только в случае серьезной задержки, поэтому не хватай куски, а медленно рассасывай маленькие частички.

На фоне бытовой суеты успех реанимационных мероприятий бригады бандитов прошел почти незамеченным. Пришедший в себя главарь шайки оказался человеком сравнительно молодым, лет сорока, с резкими, правильными чертами лица под запущенной черной с просе-

дью щетиной. В иной ситуации он мог бы легко сойти за купца первой или второй гильдии, сейчас же, скрючившись на грязной, брошенной на пол ветоши, он давился спазмами судорожного кашля, прижимая при этом обе руки к груди. И вид его огромных мосластых кистей сразу рушил услужливо нарисованный воображением образ торгового человека.

– Не иначе чахотка заела, – с нескрываемым злорадством прокомментировал ситуацию Михаил Федорович. – Пожалуй, тебе и волноваться не стоит, не доживет он до лагеря.

– Но с ним порвется ниточка к моим бумагам! – возразил я в расстроенных чувствах.

Едва ли посвященных в тайну документов из будущего много, скорее всего, он всего один такой. Будет ли его смерть благом? Вот попробуй угадай!

Как только мне удастся вырваться из лагеря и таки вернуть себе спрятанный на чердаке телефон, то бумаги двадцать первого века, по идее, без надобности. Если желание спасти страну не пропадет совсем – достаточно взять артефакт в руки и проломиться в кабинет начальника, который повыше. А уж там, когда поверят, чекисты уголовный мир перевернут с энтузиазмом и прилежанием, уже не для доказательства моего происхождения из будущего, а чтобы не оставлять врагам улики и свидетелей. Найдут – хорошо, не найдут – для моих целей сие значения не имеет.

Вроде бы логичный план, но... черт возьми, для его осуществления нужна самая малость – вернуться вовремя! Сама по себе «трешка» не кажется сложным испытанием для смартфона. Однако надо помнить коварство большевиков: каэры из советских концлагерей возвращаются в столицы до крайности редко. Без протекции друзей и родственников их в лучшем случае ждет подконвойная ссылка на перевоспитание в какой-нибудь Нижний Тагил. В худшем – можно без шанса на отказ получить предложение в стиле «работай, где работал, только без конвоя и за зарплату». Или вообще бесхитростный довесок в пару-тройку лет к сроку.

Что случится с моим LG в жаре и холоде за шесть, семь, а то и восемь лет? Не превратится ли карета в тыкву, а электроника будущего в куски мертвого пластика и стекла, ничего дуболомам в погонах не доказывающие, а потому имеющие шанс раствориться в бездонных сейфах Лубянки, так и не попав в руки настоящих экспертов?

Не лучше ли мне сразу рассчитывать на обычную жизнь советского инженера? В борьбе обретаю горб и грыжу, то есть лет эдак через десять полуголодного житья в коммуналке разработать ламповый контроллер для электропривода с широтно-импульсной модуляцией. Попутно вылизывать анус партактива в безнадежной попытке пережить великую чистку тридцать седьмого года – с контрреволюционной судимостью в личном деле. А после – проявить безмерный героизм в окопах Великой Отечественной или трусливо отсидеться за броней оборонного производства. Как альтернативный вариант: от беспросветных перспектив ломануться через границу куда-нибудь в сторону Китая, в гости к «добрым» партизанам Мао Цзэдуна... Хотя тогда уж лучше сразу в ближайший сарай – вешаться.

Выходит, паспорт и деньги из будущего вполне могут оказаться тем самым единственным активом, что способен придать моим словам достаточный вес. Иначе говоря, смерть главара шпаны может оставить Россию на безнадежном пути в мясорубку!

Рука непроизвольно потянулась к карману, где в числе прочих лежала пара последних таблеток антибиотика^[50]. Шевельнулись сомнения, стоит ли использовать хотя бы треть^[51] на бандита и, скорее всего, убийцу? Не придется ли мне через неделю, месяц или год умирать от гангрены или – уже не в силах помочь – рвать на голове волосы перед умирающим ребенком?

Хотя последнее явно из разряда комплексов, вбитых в мою голову человеколюбивым двадцать первым веком. Полагаю, здесь и сейчас отношение к жизни принципиально иное. Даже за умышленное убийство дают обычно всего-то три года каторги, то есть столько же, сколько впаяли мне. А если кого прибил в состоянии аффекта – можно вообще годом отделаться^[52].

Легче ли от того моей совести? Нужно ли продолжать оправдывать себя возможностью спасти миллионы? Или проще наконец признаться себе, что замаячившая впереди жизнь в реальном СССР пугает меня куда больше, чем взгляды умирающих детей?

– Все к черту! – прошептал я. – Ну не зря же нас злодейка-судьба свела!

Прямо в кармане выколул из блистера пилюлю, откусил небольшой кусочек – успел уже проверить эффект подобной микродозы на себе, когда пожалел тратить много лекарства на элементарные, но почему-то очень тяжелые для меня тюремные хвори. В ответ же на удивленный взгляд Михаила Федоровича объяснил, чуть повысив голос:

– Не могу просто так оставить, от той бумаги тысячи жизней зависят... Вернее, больше – десятки... – Я вовремя осекся, оставив произнесенным слово «миллионов». – И потом, какая-то благодарность за спасение жизни может от шпаны быть?

– Люди-то все разные, – соорудил скептическую гримасу мой спутник.

Мое желание помочь он явно не одобрял, но отступить я все же не стал.

Говор и возня в вагоне притихла, когда я, выпятившись с нар, подошел к шпанскому кружку. Против ожиданий преградить дорогу мне никто не попытался, но смотрела братва на меня очень внимательно. Понятно без слов: одно неверное движение – и накинется всей стаей.

Присев рядом с тяжело и как-то неправильно дышащим главарем, обратил на себя его внимание, тихо спросив:

– Я правильно понял, что к вам мой паспорт попал?

Глаза главаря распахнулись, он приподнялся, неуклюже привалился к невысокой горке поленьев, и я попал под тяжелый изучающий взгляд. Зрачки, кажущиеся в полутьме вагона черными, неспешно ощупали меня с ног до головы, затем неподвижно замерли напротив моих глаз, как будто он хотел разглядеть что-то в глубине головы.

Пауза грозила затянуться, но я быстро догадался кивнуть вниз, на зажатую между большим и указательным пальцами белую крупинку.

– Оттуда? – чуть слышно прохрипел предводитель урок, разом снимая последние сомнения в разгадке моего происхождения.

– Лекарство, осталось на несколько приемов, – немного слукавил я. – Должно вытянуть.

На секунду задумавшись, главурка выдавил не слишком обрадовавшие меня слова:

– Потравишь – писанут, – и придвинул ближе раскрытую грязную ладонь, в которую я вложил кусочек таблетки.

Похоже, движения отняли у пахана остаток сил, так что он закинул антибиотик в рот, делая вид, что сдерживает кашель, и откинулся обратно к полу.

Мне ничего не оставалось делать, как под недобрыми взглядами кодлы вернуться на свое место.

Результатов от приема лекарства я ожидал уже к утру, но изрядно ошибся. Процедуру пришлось повторить с первыми лучами рассвета, а потом еще и еще... Решающий перелом наступил лишь к вечеру второго дня, как раз к отчаянной драке, которую обезумевшие от жажды крестьяне устроили около неожиданно выданных охраной бачков с теплой водой.

Последнее неудивительно – только у рабочих оказался некоторый запас во фляжках, делиться которым они, разумеется, и не подумали.

В отчаянии каторжане пытались соскребать иней и наледь с крыши и стенок вагона, но этого едва хватало смочить губы. Повезло на сортировке где-то под Петрозаводском – сердобольный железнодорожник внял мольбам эка и через окна накидал лопатой немного снега, щедро пропитанного экологически чистой сажой и угольной пылью.

Вроде понятно, что пары здоровенных емкостей – ведра на три-четыре каждая – хватит на всех. Однако стоило охране поднести к дверям медные, исходящие на морозе паром бачки, как к ним со стонами, криками и воплями полезли труженики сохи, мгновенно забив узкую щель живым клубком орущих и брыкающихся человеческих тел. Разгребать же завал пинками и

кулаками пришлось контре – старой, еще офицерской, и новой вроде меня – вместе со шпаной, в союзе абсолютно аморальном и противоестественном, но позже не раз мной наблюдаемом в лагере.

Участие главаря урок в потасовке было неожиданным, но эффективным. Мало того что он сам, хоть и едва стоял на ногах, умудрился выдать несколько сочных плюх, так и его свита, перестав грязно собачиться друг с другом, в совместных действиях обрела утраченный было разум.

А чуть позже, после муторного и смешного дележа воды вставший со смертной ветоши главарь как-то незаметно оказался рядом со мной. Протянул руку и представился с гордостью:

– Гвидон. Князь Гвидон. – Но сразу стушевался, не иначе вспомнив свое недавнее беспомощное и больное состояние, и тихо добавил: – Степан Никодимыч, так мамка с батькой нарекли, но это только между нами.

– Алексей Обухов, – ответил я на пожатие. – Для вас Коршунов, разумеется.

– Пойдем кипятку погоняем, с фартом я от калева^[53] ушел через снадобье твоей бабки. – Он повысил голос для ушей окружающих: – Поучу, чтоб ты на сталинской даче жил как в Эрмитаже!

Устроились мы удобно – и у печки, и на виду, но при этом как бы за стаяй молодых урок, которые, сидя на корточках, почесывались, искали вшей, жевали что-то сомнительное и передавали друг другу кружку с почти кипящей водой, отхлебывая по глоточку. При этом они не переставали громко смеяться и травить какие-то мерзкие истории на смеси фени и мата. Смысл я не мог понять при всем желании, но дело полезное: так наш разговор гарантированно никто не разберет.

– Уши пухнут, – доверительно пожаловался Князь Гвидон. – Без махры вшивота, и награнтать неподъемно^[54].

Смысл второй половины фразы я в точности не понял, но на всякий случай обескураженно развел руками.

– Совсем не курю. – Вроде и не соврал, и заначка целее будет, ведь таким только покажи, мигом все до крошки вытащат. – Обычное дело для моего времени, кстати. Все о здоровье заботятся, физкультурой занимаются, хотя, надо признать, и живут лет до восьмидесяти в среднем. Это если в Японии или Франции, а в России на десяток поменьше выходит...

– Ты лучше скажи, когда СССР до доски дойдет? – нетерпеливо перебил мое многословие Гвидон. – Рвет меня это дело, вот как орлов на твоей бирке^[55] увидел, так, считай, сна лишился, а потом и грязи наелся^[56], тебя разыскивая.

– Так и меня без документов в ЧК загребли, чужое имя и дело навесили и вот на Соловки отправили, – поспешил «отдариться» я. – А что до СССР... Так он до тысяча девятьсот девяносто первого года доживет.

– Ни хрена себе! – ошеломленно помотал головой пахан. Затем, явно в расстроенных чувствах, толкнул краткую энергичную речь из непостижимой смеси матерных и блатных слов.

Я же прикидывал, о каких фактах из истории страны стоит рассказывать, а какие лучше бы придержать. Ну вот, к примеру, зачем Степану Никодимычу знать о ядерном оружии? Или о космических кораблях?

– И какого хрена тебя в наш «барак» понесло? – отругавшись всласть, продолжил расспросы Князь Гвидон.

– Сам бы хотел знать! Шел себе по улице к товарищу, никого не трогал, зашел в парадное, смотрю, что-то не то: покрашено не так, двери иные... Вышел обратно на улицу – и хоп! Вместо две тысячи четырнадцатого года в тысяча девятьсот двадцать шестом. Причем никакая наука нашего времени даже и помыслить не может о подобном эффекте! Только чудом или инопланетянами такое объяснить можно, и никак иначе.

– А назад откинуться? – с плохо скрываемой надеждой спросил Гвидон.

– Как только ни пытался, – неподдельно расстроился я. – И так заходил, и иначе, и ждал, и прыгал... В общем, все, что мог, сделал. Ничего не помогло.

– Галоши не заливаешь?^[57]

Пахан поймал мой взгляд, но я понял смысл вопроса по интонации и не подумал лукавить.

– Хотя чем поклянусь! – И добавил, попробовав призвать в союзники логику: – Если бы мог, зачем год в Шпалерке болтаться? Объяснился бы с чекистами: так, мол, и так, вышло чудо чудное, пользуйтесь, пока можно. А без дороги назад... Еще и документов нет.

Князь явно расстроился.

– Но погодь... Вот не ковырнула бы моя братва твои картинки, так бы и сдался в ЧК?

– Ну да, – не стал запираться я. – Сами же видели, как документы оформлены, так что надеялся – поверят... Почему нет? Со знанием будущего многих ошибок можно избежать, миллионы людей спасти, ресурсы сохранить, если повезет – построить социализм не как получилось, а правильно, например по-шведски или по-китайски.

– Ладно, брякай, что же нас ждет, – поморщился от моего пафоса пахан. – И без туфты!

Подробный рассказ о будущем я построил в минорном ключе, что-то типа «дела в колхозах шли плохо, не сказать что совсем плохо, можно даже сказать – хорошо, но с каждым годом все хуже и хуже». То есть ничего не утаивал, но аккуратно преувеличил – да и преувеличили ли на самом деле? – быстро нарастающую жесткость расправ советского правительства с уголовным и политическим элементом в ходе реализации ошибок коллективизации, перегибов индустриализации, борьбы с голодом, великой чистки тридцать седьмого года, строительства заполярных железнодорожных магистралей и добычи золота на Колыме. Не забыл в деталях описать Отечественную войну, вытянутую героизмом миллионов простых людей. Под конец устал шевелить языком, да и пахан явно вяло реагировал на события за горизонтом собственной жизни. Поэтому по основным вехам истории развитого послевоенного социализма я прошелся, не вдаваясь в детали. Закончил перестройкой и расколом бывшей империи на кучку с трудом уживающихся между собой республик.

На грузинской войне две тысячи восьмого года Князь Гвидон совсем погрузстнел. Не иначе как осознал, что время крутых перемен не для пенсионеров, а шансы пожить в свое удовольствие в замешивающейся круговерти до безобразия невелики. Но вместо уточнений событий ближайших лет удивил меня приземленным и в то же время актуальным вопросом:

– А нонче куда податься надумал?

– Не знаю, – честно признался я, лихорадочно продумывая действия, которые не должны были идти вразрез с планами урки и оставили бы мне хоть относительную свободу. – Очень уж не понравилось мне в гостях у ЧК. Боюсь также, что с документами, что без – сперва допросят качественно, с пристрастием, а потом расстреляют на всякий случай. То есть помочь стране хочется, но не ценой же здоровья или жизни!

– Барно! – довольно кивнул головой Князь Гвидон.

Я же попробовал на вкус выстроенную на ходу версию и с ужасом осознал ее полную реальность. Все те страхи о звериной хитрости чекистов, своекорыстии и презрении к чужой жизни, что я досель уверенно и успешно гнал из своих фантазий, после увиденного с изнанки внезапно обрели объем, цвет и даже запах, тяжелый запах крови и дерьма. Идея перекраивания истории, ведущая меня вперед все время после провала в прошлое, внезапно превратилась

в глупую и очевидную ловушку, выход из которой надлежало найти как можно скорее. Аж слабость накатила, и как не вовремя-то!

К счастью, мои душевные метания прошли мимо внимания главаря. Он удивительно легко оставил в покое щекотливую тему моего целеполагания и деловито уточнил:

– Много нагрузили?

– Трешку. Перед тем еще год в Шпалерке промариновали.

– На траву тебе рвать не резон – проще отпыхтеть, – почему-то повеселел Князь и, неожиданно перейдя на нормальный язык, спросил в лоб: – Может быть, ты помнишь какие-нибудь клады, что в будущем отыщутся?

– Увы, – пришла моя очередь расстраиваться. – Что-то в новостях мелькало, но никаких подробностей...

– Дела знаменитые? Шармак? Мокруха? Скок?

– Только политиков разве что... – Я чуть покопался в памяти. – Вот Кирова в тридцать четвертом грохнуть должны, как-то глупо причем, из ревности. Народу под это дело репрессуют эшелоны. А еще Маяковский в тридцатом застрелится.

– Без мазы... – поморщился Гвидон. – И нужный номерок в скачках или в лотерее ты, конечно, не знаешь.

– Слишком давно, пожалуй, даже в интернете не найти.

– Что же еще? – Пахан простецки почесал затылок, не обратив особого внимания на новое слово. – С авиаторами что-то намутить?

Это он уже от отчаяния, понял я.

Нет, самолетная тема в СССР популярна сверх всякой меры и смысла. Чуть ли не в каждой второй газете пишут то про иностранцев, добирающихся на крыльях аж до самой Австралии, то про нашего Громова, облетевшего всю Европу^[58]. Вот только как на этом заработать хоть копейку?

Тем не менее я без особой надежды выложил единственный застрявший в памяти факт:

– Чкалов через Северный полюс до Штатов доберется, но это уже позже, году в тридцать пятом^[59].

– И как же ты жить-то мортуешь с эдаким капиталом в башке? – подозрительно вкрадчиво поинтересовался пахан.

Похожие вопросы я задавал себе миллион раз. К сожалению, ничего дельного в рамках прокрустовы ложа социализма не выходило, собственно, именно поэтому мне и приходилось держать политический вариант продажи информации о будущем как основной и даже единственный.

Но некоторые слабые идеи все же имелись.

– Можно вложиться в картины, я помню несколько авторов, ставших знаменитыми. Но результат проявится только лет через двадцать – тридцать. Или подождать оттепели с десятком-другим старых икон. Еще на денежных реформах немного заработать, но это уже только после войны. Хотя... Все же надежнее производством заняться, есть варианты с лапшой быстрого приготовления, туристическим снаряжением, ксерографией^[60], полупроводниками или аквалангом...

Князь выслушал этот детский лепет молча, пауза затянулась, так что я поспешил ее разбить последним отчаянным рывком:

– Вот в Соединенных Штатах реализовать мои знания намного проще. Я неплохо представляю себе технологии будущего, так что можно запатентовать какие-нибудь изобретения, а то и еще проще – заняться игрой на бирже.

– Биржа, значит? – наконец-то восторженно Гвидон и уточнил, выказав неожиданные познания: – Но ты же курсов не можешь помнить!

– Разумеется. – Я постарался скрыть радость от поклевки. – Но зато хорошо представляю основные тренды развития науки и техники. Если видеть названия компаний, типы продукции, фамилии, что-то непременно всплывет в памяти. Да и политику всякую со счетов нельзя сбросить. Сразу миллионов не выиграть, но потихоньку денежка потянется.

– Складно... – Авторитет задумался, выскреб из-за уха вошь и щелчком раздавил ее между ногтями. Затем продолжил, как бы разговаривая сам с собой: – Рвануть нитку непросто, легавые ее хорошо забили. Готовиться надо основательно, такое сразу трелить^[61] надо.

И замолчал минут на пять.

Я уже думал, что он, как принято у уголовников, задремал с открытыми глазами – все ж болел недавно, и стал прикидывать, как половчее попрощаться да пролезть на свое место на нарах, но тут пахан шайки наконец громко хмыкнул и как ни в чем не бывало занялся моей подготовкой к существованию на Соловках. Не иначе решил в последнюю ночь перед Кемью поднять мои шансы на выживание.

Скоро передо мною развернулась широкая панорама лагерного быта со всей его беспощадностью, знаменитым зоновским блатом, административной структурой, расстрелами, зачетами, довесками, пайками, жульничеством, грабежами, охраной и прочими «мелочами».

– Дербанки не бойсь, зевать сторожись, – терпеливо поучал меня Князь. – Серьезным людям шепну, а шелупень сам гони. Но буреть не смей, не по масти тебе, тем паче супротив легавых. Да, серяк^[62] приличный справь, в рванье враз за фраера пойдешь. Катать не садись, паек под пашню не сдавай^[63], хотя... – Он посмотрел на мою не особенно худую физиономию. – Тебе не впадлу. Главное, не вздумай втыкать^[64] на общих работах. Оно завсегда в стаде проще кантоваться, и пайку вкуснее бросают. Но захлестнет работа, жилы вытянет, а случись какой шухер с хавкой или перекинут куда на усиление – ярмо не скинешь и загнешься как доходяга под комлем на делянке. Так что сразу болячку замастырь, нарядчику лукни^[65] или вообще затихарись на дальняке под переключку. Короче, не бойсь халявы, вашего брата-телигента в начальстве много, потри по душам с одним да с другим, вытащат на подработки по счетам щелкать. Особенно к КВЧ^[66] приглядиись, там контриками под крышу забито...

Более-менее довольный сотрудничеством с преступным элементом, я вернулся «к себе» уже далеко за полночь. Но едва растолкал соседей и добрался до законных двух вершков, неугомонный Михаил Федорович чуть слышно, но отчетливо проворчал:

– Обманет он тебя. Вот не знаю, о чем вы договаривались, и знать не хочу, но я таких сволочей в достатке видел, в любом случае обведет вокруг пальца, а потом еще и поглумится.

– Ложечки вроде бы нашлись, – неожиданно для самого себя выдал в ответ я. – Но...

Правда, где осадочек? Так его и искать не надо, плавает по поверхности. Как-то незаметно и подозрительно легко с решения глобальной проблемы выживания страны я перестроился на путь корысти, да еще не сам для себя, а в сомнительной компании уголовника.

И это не вся проблема: ведь если сбросить шелуху наставлений молодому ээку – кто я для Князя? Инструмент! Не получу ли я вместо богатства и славы темный подвал, побои, а потом, когда буду выжат досуха и принесу достаточный капитал, нож в печень? Прямо холст, масло – спаситель отечества достойно применил на практике знания будущего!

Но есть и позитив...

Во-первых, не зря потратил полтаблетки антибиотика. Теперь понятно, у кого искать документы – если, конечно, они понадобятся. Кличка – она в мире малин и лагерей надежнее паспорта будет.

Во-вторых, неверие главаря шайки в конструктивное сотрудничество с чекистами настолько абсолютно, что он даже посчитал лишним отговорить меня от подобной глупости. Такой подход убеждает сильнее телерекламы будущего.

Ну и в-третьих, он же натолкнул меня на выход из тупика: деньги, большие деньги. Ведь и правда вполне реально, к примеру, нанять пару-тройку писателей и с их помощью выпустить

и распространить серию книг-предсказаний. Или написать стопку хитрых писем тому, другому... Предупредить третьего, подкупить четвертого...

Почему не проплатить или сагитировать десяток контриков да заказать убийства будущих злодеев? Не окажется ли, что изменить историю подобным образом проще и безопаснее, чем привлекать всю мощь «коммунистической партии и советского правительства»?

Только бы вырваться с Соловков, но не в СССР, а за границу. И обязательно с работающим смартфоном. Без него, родимого, а вернее, без сохраненных в памяти университетских учебников и прочих книг получить большие и быстрые деньги будет невероятно сложно.

Нужен ли для этого Князь Гвидон?

В лагере он, безусловно, полезен, сгинуть не даст, разумеется, в меру своих не особенно великих связей. Хотя пылинки сдувать не станет, скорее наоборот, постарается дать прочувствовать тяжелую длань государства на плечах, спине и пониже оной. Но и на том спасибо.

А вот куда податься дальше...

Ведь есть, есть один красивый вариант! Финляндия рядом!

Что, если рвануть туда, одним махом избавиться от Чека, шпаны и всего СССР?

Смартфон... Тоже мне великая проблема! Были бы деньги, наверняка найдется и человек, который вывезет его из Питера без лишних вопросов!

И я тихо окончил зависшую фразу:

– Но трудно спорить с вашим опытом, поэтому искать ложечки придется исключительно по моим правилам.

Однако Михаил Федорович уже спал.

Глава 5

Не все писатели одинаково полезны

Киев, апрель 1930 года (3 месяца до рождения нового мира)

Ровно в девять ноль-ноль под мерное подрагивание вагона на быстром ходу раздался не слишком громкий, но настойчивый стук в дверь.

Пришлось встать, кое-как натянуть брюки и отпереть закрытый на ночь замок. Ожидал кондуктора, но в коридоре меня встретили нарочитые улыбки двух парней в строгих, жестких до хруста белых сорочках и синих бабочках.

– Добр-рое ут-тро, – в унисон сказали они энергичными голосами и... принялись аккуратно пропихивать в купе тележку с едой.

«Официанты!» – наконец-то приметил я главное – небольшие белые колпаки на головах парней.

Работники местного общепита свою работу знали отлично. Не задавая лишних вопросов, они ловко выставили на столик у окна пару сочных лангетов с жареным картофелем, свежим – откуда только взяли?!^[67] – огурцом на продолговатых никелированных тарелках, лососевые салаты, взбитые сливки, несколько теплых булочек, горячий дымящийся кофе и нежные пирожные из слоеного теста с чудесными глазочками из засахаренных фруктов. Уместив каким-то чудом всю кулинарную роскошь на крошечном пространстве, они с вежливым полупоклоном выдали листочек счета. За двоих вышло четыре рубля сорок семь копеек, впрочем, от сдачи с «синенькой» успевший проснуться Яков отмахнулся не глядя...

Позавтракали с шиком, вдобавок мой спутник – позер патентованный и неисправимый! – добавил к кофе гадкую толстую сигару из того немалого запаса, что он умудрился натуральной контрабандой протащить из Турции.

Я же, закинув ногу за ногу и с чашкой в руке откинувшись на подушку кресла, скромно налег на оставшиеся без его внимания, но очень недурные пирожные.

– Почитать ничего не желаете-с? – ворвался в мою блаженную полудрему голос проводника. – Газеты? Журналы-с?

– Пожалуй. – Я вернул чашку на блюдце, запуская руку в предложенную переносную корзинку. И почти сразу со словами: – Ого, «За рулем» уже печатают! – вытащил несколько потрепанных, но неплохо сохранившихся номеров от тысяча девятьсот двадцать восьмого года.

– Благодарствую, – чуть поклонился проводник, принимая мой двугривенный. – Если чего еще надо, спрашивайте-с.

Содержание журналов, сверх всякого чаяния, оказалось достойным внимания. С не успевших пожелтеть страниц журналисты-автомобилисты рассказывали про жуликов-таксистов в Париже, обсасывали детали новейшей многоуровневой развязки на шоссе Франкфурт – Базель, грозили властям Москвы фотографиями страшных ям и ухабов в булыжной мостовой с попутным экскурсом в классификацию каменюк по форме, материалу и региону добычи, обсуждали новую модель Ford; нюансы подвески грузовиков Citroen, устойчивость спортивного трехлитрового Bentley на итальянских серпантинах, доказывали достоинства триплекса и многоугольного рулевого колеса. А под копией рекламной листовки General Motors с мудреным лозунгом «A used car is unused transportation!»⁴ организовали полноценную правительственную дискуссию по целесообразности закупки в Америке автомобилей с пробегом. Да еще эдак разборчиво: Chevrolet брать или Ford, ибо последний дешевле, но имеет недопустимо большую разницу в передаточных числах между первой и второй передачей.

⁴ «Подержанный автомобиль – неиспользованный транспорт!» (англ.)

Если не обращать внимания на едва заметную ретроспективу, то создавалось полное ощущение двадцать первого века: доступность иномарки любому и каждому, сопричастность с мировой культурой панъевропейского автотуризма, толика рекламы бензина, масла и «совершенно обязательных» автоаксессуаров, ну и, конечно, уверенность в скором и окончательном решении вопроса рытвин и кочек на отечественных дорогах.

Особо стильно в канву сюжетов а-ля будущее укладывался пространный репортаж про вновь начинающийся мировой кризис и падение спроса на автомобили в Америке. Не претерпел заметных изменений и логический вывод из сего досадного факта: корпорация GM уже не сможет, как в былые тучные времена, продавать по два миллиона автомобилей в год^[68], поэтому вот-вот попадет под пресс категорически неразрешимых экономических проблем, соответственно, непременно начнет выкидывать рабочий класс целыми цехами на грязные улицы Чикаго. А там подтянутся забастовки, манифестации, обрушение многотриллионной пирамиды долгов, и в завершение – полный и окончательный крах «цитадели демократии».

Ощущение портила лишь одна ложка дегтя. По странному стечению антисоветских обстоятельств на следующей же странице чья-то добрая душа с задором и надеждами на скорые перемены подробно описала турне самого предсовнаркома товарища Рыкова по Сталинградской губернии на лучшем из имеющихся Mercedes-Benz... тысяча девятьсот двенадцатого года выпуска. Ничуть не постеснявшись – а скорее просто не осознавая комизма ситуации, – бойкий шелкопер в красках отобразил починку колеса восемнадцатилетнего рыдвана в деревенской кузнице путем насадки пары деревянных ободов, да еще с подкладкой из плотно свитой соломы отечественного производства. В качестве же оправдания сего прискорбного факта шла сдача главной военной тайны страны: чего ждать от Поволжья, если в самом Ленинграде зарегистрировано всего лишь семьсот двадцать шесть легковушек^[69]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Интербеллум (Interbellum) – термин, используемый в мировой историографии для обозначения временного промежутка между Первой и Второй мировыми войнами (1918–1939 гг.).

2.

Плацкарта – нумерованное место в вагоне. В обычных поездах того времени нумерации мест не существовало, они появились только в середине 30-х гг., с массовым появлением «егоровских» вагонов (более-менее похожих на современные четырехосные Ленинградского завода имени И. Е. Егорова).

3.

Наружная отделка вагонов СВПС (бывших международных дальнего следования) выполнялась тиковым деревом, с покрытием лаком в восемь слоев с промежуточной обработкой. Крыши крыли красной медью.

4.

Термин, очевидно, происходит от английского sleeping car (спальный вагон).

5.

К 1925 г. советские червонцы котировались на валютных биржах Вены, Рима, Константинополя, Тегерана, Шанхая и других городов. Например, в 1924 г. один червонец меняли на 21 немецкую марку, в 1926 г. – лишь на 7–8 марок, в 1927 г. обмен был прекращен полностью.

6.

Совбур – сокращение от «советский буржуй».

7.

Ingress – многопользовательская онлайн-игра в стиле «наложенной реальности», созданная Niantic Labs в Google для Android- и iOS-устройств.

8.

Первый нарезной батон был продан в городе Чилликос, штат Миссури, 7 июля 1928 г.

9.

Правильное название для 1926 г. – ОГПУ при СНК СССР (1923–1934).

10.

Так выглядели патронные обоймы, но главный герой про это не знает.

11.

Судя по данной детали, главный герой нашел карабин «Маузер» m98.

12.

Следственная тюрьма Ленинградского управления ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ находилась на Шпалерной улице, 25. Сегодня СИЗО-3.

13.

Скорее всего, медная солдатская кружка времен Первой мировой войны, их часто использовали как небольшой котелок.

14.

Приказом ОГПУ № 315 от 14 августа 1924 г. введена фуражка с темно-синим околышем и краповой тульей, 30 декабря того же года приказом ОГПУ № 456 – околыш краповый, тулья синяя.

15.

Резиновая нить для одежды, в том числе и носков, используется с начала XX в. Но только к 1925 г. фирма Dunlop Rubber наладила массовое производство недорогой и устойчивой к кипячению «резинки» сначала из натурального, а потом искусственного каучука.

16.

«Непрерывная» застежка была запатентована еще в 1851 г., хотя более-менее современный вид приобрела к 1913 г. Американская армия заказала летные комбинезоны с молниями в 1917 г.

17.

Согласно некоторым источникам, именно такую надпись оставил Н. Гумилев на стене камеры № 77 на Шпалерной 24 августа 1921 г.

18.

Официально скаутское движение в СССР запретили 12 ноября 1922 г. С того времени скауты перешли на нелегальное положение. Окончательно разгромлена эта организация была только в 1932 г.

19.

В советском скаутском движении существовали две крупные фракции – анархистов и фашистов. Сама же фашистская идеология зародилась в Италии в конце 1910-х гг., итальянская фашистская партия пришла к власти и установила диктатуру Муссолини в 1922 г.

20.

Б. Зеленов, глава советских скаутов, 1904 г. рождения. Арестован 14 ноября 1926 г. На допросах категорически отказался от всяких показаний, получил три года концлагеря (Соловки).

21.

Б. Н. Свежевский, белогвардеец, в прошлом капитан лейб-гвардии, начальник Петроградской дружины. Курировал из Берлина ориентированный на итальянский фашизм «Опытно-показательный скаут-отряд» (одну из двух крупных фракций в советском скаут-движении).

22.

Всего по делу скаутов в течение 1926 г. было осуждено 40 человек. В основном они получили по три года концлагерей или по три года ссылки. Всего же только в московское скаутское движение было вовлечено от 4 до 6 тыс. человек.

23.

Обычная практика – опасались попытки самоубийства.

24.

Реальный человек, попал в заключение в 1927 г. за шпионаж (вел переписку с родными в Германии, Латвии и Польше). Приговорен к трем годам ссылки в Сибирь, отправлен в Туруханск.

25.

По царской норме в камеры такого типа размещали до 22 человек. Но 79 – это еще по-божески, позже, в 30-х гг. в подобные помещения «напихивали» до 120–130 заключенных.

26.

Эта камера находилась в одном коридоре с тюремной библиотекой.

27.

Имеется в виду Д. И. Абрамович (1873–1955), филолог-славист, палеограф, источниковед. Чл. – корр. РАН с 1921 г. К моменту ареста в начале 1927 г. – главный библиотекарь ГПБ (Ленинград).

28.

В воспоминаниях В. В. Чернавина упоминается, что подобное приспособление было внедрено заключенными Шпалерки на его глазах, то есть в начале 30-х гг.

29.

С начала XIX в. древние языки активно вытеснялись из гимназий, по состоянию на 1917 г. греческий преподавался только в одной на всю Российскую империю. С латинским дело обстояло лучше, но ненамного.

30.

По УК РСФСР 1922 г. статья 64 – «Организация террористических актов и сотрудничество с иностранцами», статья 66 – «Шпионаж в пользу международной буржуазии» вошли в 58-ю статью УК 1926 г. (пп. 4 и 6).

31.

В. А. Шильдер, русский генерал, кавалер 14 орденов, директор Пажеского корпуса, Александровского лицея. Арестован по «делу лицеистов» и умер в тюрьме в 1925 г. Всего по этому делу было арестовано около 150 человек, из них расстреляно 26, среди них сын Шильдера Михаил. Жена Шильдера А. М. Клингенберг умерла в ссылке.

32.

Точно задокументированные данные о смертности в Соловецких лагерях отсутствуют. Сами узники оценивали ее в пределах 35–40 %. По свидетельству генерала Зайцева из 100 казров-трехлетников первых «призывов» к моменту освобождения в 1927 г. 37 умерли, 38 покалечены и лишь 25 покинули лагерь здоровыми (большинство из последних попали на хлебные лагерные места канцеляристов, кладовщиков и т. п.).

33.

Цитата из Ф. Ницше: «Факты не существуют, только интерпретации».

34.

По УК РСФСР 1922 г. взятка считалась контрреволюционной деятельностью, соответственно наказывалась «вплоть до расстрела».

35.

Д. С. Лихачев – чл. – корр. АН СССР по Отделению литературы и языка, действительный член многих зарубежных академий. Во время учебы в Ленинградском университете участвовал в шуточном кружке «Космическая Академия наук». Арестован 8 февраля 1928 г., в октябре 1928 г. получил по ст. 58-11 пять лет лагерей.

36.

Статья 58-11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям».

37.

Только 27 июня 1929 г. Политбюро переименовало концентрационные лагеря ОГПУ в исправительно-трудовые. То есть до этого момента слово «концлагерь» использовалось вполне официально.

38.

Каждые 60–100 км паровоз нуждается в заправке водой. Машинисту, особенно не слишком опытному, бывает порой сложно подогнать локомотив под заливочную систему водонапорной башни.

39.

Ныне станция Котовск Одесской области (переименована в 1935 г.).

40.

На практике отличить петлицы ГПУ (поле крапового цвета) от малинового (пехота РККА) практически невозможно, поэтому все ориентировалось на кант – в РККА он был черный, а в ГПУ – малиновый.

41.

Согласно мемуарам Д. С. Лихачева, Курилко служил в белой армии не более пары месяцев.

42.

Курилко был снят с должности уже в мае 1930 г., попал под следствие и ближе к осени расстрелян, более того, в конце июля этого года по всем лагерям зачитали приказ коллегии ОГПУ «О произвольщиках и белогвардейцах в лагерях», после чего режим был существенно смягчен (так называемая «Соловецкая оттепель»).

43.

В конце 20-х гг. для перевозки заключенных часто использовались обычные пассажирские вагоны III-го класса, разумеется, после соответствующей доработки.

44.

Очень часто «столыпинским вагоном» называют переоборудованную для перевозки людей теплушку (т. е. грузовой вагон с откатной дверью). На самом же деле это «переселенческий» вагон IV-го класса, отличающийся от III-го только устройством скамеек-лежанок. Позже (и до

настоящего времени) «столыпинскими» называли специализированные вагоны для перевозки заключенных.

45.

Длина трехосного вагона III-го класса – 11 м, что даже чуть меньше половины современного пассажирского вагона.

46.

«Сменовеховство» (от сборника статей «Смена вех») как идейное течение возникло в 1920-е гг. в среде эмиграции первой волны. Выступали за примирение и сотрудничество с Советами, так как, по их мнению, большевистская власть «переродилась» и действует в национальных интересах России.

47.

Строго говоря, могли проверить и в ультрафиолете – подходящая лампа «черного света» (лампа Вуда) изобретена в 1903 г. физиком из Балтимора Робертом Вудом.

48.

Авторы опубликованного в 1927 г. романа – Вениамин Гиршгорн, Иосиф Келлер и Борис Липатов.

49.

Данный момент отмечен в воспоминаниях академика Д. С. Лихачева, арестованного и осужденного в 1928 г.

50.

Чихотка – устаревшее название туберкулеза, который сложно вылечить кратким курсом антибиотиков широкого спектра действия. Но очень часто чихоткой называли и пневмонию, с которой и пришлось столкнуться главному герою.

51.

Старые врачи с ностальгией вспоминают времена, когда 50–100 000 действующих единиц пенициллина гарантированно лечили любую пневмонию или жуткую газовую гангрену. Сейчас нормой считаются десятки миллионов единиц в сутки.

52.

Статья 137 УК РСФСР 1926 г. (умышленное убийство) предусматривала «лишение свободы на срок до восьми лет». Статья 138 (убийство в состоянии аффекта) – «лишение свободы на срок до пяти лет или принудительные работы на срок до одного года».

53.

Калево, околеть – смерть от болезни.

54.

Награнтать неподъемно – не получается достать или ограбить.

55.

Бирка, картины – паспорт и документы.

56.

Грязи наелся – был арестован.

57.

Заливать галоши – обманывать.

58.

С середины 20-х гг. и до середины 30-х репортажи о рекордных полетах не сходили с первых полос газет всего мира. Например, М. Громов осенью 1926 г. преодолел маршрут Москва – Кенигсберг – Берлин – Париж – Рим – Берлин – Вена – Прага – Варшава – Москва.

59.

Этот перелет состоялся только в 1937 г. Рекордным по «беспосадочной» дальности он не был.

60.

Данное изобретение имеет давнюю историю – патент получен в 1939 г., а офисный ксерокс model A серийно производился с 1948 г.

61.

Трелить – обсуждать, требовать долю.

62.

Серяк – шинель или полувоенное пальто.

63.

Сдать под пашню – продать вперед паек.

64.

Втыкать – работать.

65.

Лукнуть – дать взятку.

66.

КВЧ – культурно-воспитательная часть.

67.

Можно привести цитату из письма Л. Ю. Брик от 23.05.31: «Ехали мы (поездом из Москвы в Свердловск) хорошо, но очень пыльно. В ресторане ели рябчиков, жареные грибы и свежие огурцы».

68.

Всего в США на 1928 г. ездит 22 млн автомобилей, из них в штате Нью-Йорк – 1,7 млн.

69.

В 1926 г. общее количество автомобилей на ходу в СССР составляло 15 123 (7701 легковая, 6129 грузовых, 735 автобусов и 558 спецмашин).